

Жаталья Солнцева

Принцесса из Шанхая

Артефакт – детектив. Всеслав и Ева

Наталья Солнцева
Принцесса из Шанхая

«АСТ»

2014

Солнцева Н. А.

Принцесса из Шанхая / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2014 — (Артефакт – детектив. Всеслав и Ева)

ISBN 978-5-17-085660-2

Как очаровательна эта таинственная девушка из далекого таежного поселка! Она так не похожа на современных москвичек, что мужчины моментально обращают на нее внимание. Стрелы Амура поражают их сердца. Правда стрелы очень похожи на боевое китайское оружие... а за незнакомкой тянется шлейф невероятных событий... Ее преследует Дракон. Он уничтожает ее близких и наводит страх на Анжелику. Сыщик Всеслав и его помощница Ева пытаются найти объяснение этим загадочным событиям, и узнать кто прячется под личиной Дракона. Но Дракон многолик... он легко меняет маски и возрождается в новом облике. Книга ранее выходила под названием «Черная жемчужина императора».

ISBN 978-5-17-085660-2

© Солнцева Н. А., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	32
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	44
ГЛАВА 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталья Солнцева

Принцесса из Шанхая

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

*«Вы окружили себя собственными снами, и это сновидение будет
тянуться, пока вы не проснетесь».*

Ошо

© Солнцева Н., 2014

© ООО «Издательство АСТ»

, 2014 г.

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша Наталья Солнцева

Глава 1

Дальний Восток. Тайга

Между деревьями стоял туман. Верхушки старых елей тонули во мгле, и где-то рядом, невидимый в белесом мареве, потрескивал сучьями, шуршал опавшей хвоей затаившийся враг.

– Ну, где ты там? – с пьяной удалью выкрикнул охотник, вскидывая ружье. – Выходи! Что, молчишь? Молчишь... боишься! Думаешь, тебя пуля не возьмет? Она у меня серебряная! На оборотня!

Тишина, нарушаемая звуками леса, была ему ответом. Туман стоял в голове охотника, тяжелый хмельной угар.

«Они обе исчезли, – думал охотник. – Покинули меня. Сначала одна... потом другая. Они обманули меня! Обещали счастье, неслыханную удачу... восторг и упоение – любовью, властью! Над золотом, над душами людскими... над женщинами! И где это все? Утекло, просочилось между пальцев, как талая водица. Правда, у меня еще кое-что осталось, вернее, *кто*. Она! Волшебная, милая, сладкая... и недоступная. Она тоже ускользает... Как мне сделать ее своей? Навсегда, навеки? Такую приступом не возьмешь, придется подбираться на мягких лапах... будто *таежный князь* к желанной добыче!»

Громкий треск справа, за покрытыми лишайником стволами, заставил его вздрогнуть и, не целясь, выстрелить.

– Ха-ха! На, получай! Ха-ха-ха! – захлебываясь истерическим смехом, завопил он. – Получай, чудище!

Снова воцарилось спокойствие, и только вспугнутые звуком выстрела птицы застрекотали, зашумели, взлетая.

– Что тебе нужно, урод? – со слезами в голосе, спрашивал охотник. – Ты же сам все можешь! Ты уже забрал у меня все! Осталась она... одна она...

Спотыкаясь о гниющий валежник, он побрел вперед, наугад, пока под ногами не чавкнуло, и не ударил в нос острый запах болота. Страх, змеей свернувшийся в груди охотника, распрямился, выбросил тысячи ядовитых жал, остановил кровь в жилах. Зыбкая почва слабо колыхнулась и замерла; замер, охваченный ужасом, и охотник. Трясина! Вот куда заманил его проклятый оборотень...

Охотник дернулся, ринулся в сторону, но только опасно потревожил трясины – с тихим утробным вздохом она прильнула к его ногам и жадно потянула их вниз. Каждое движение жертвы только усиливало ее цепкую хватку.

Предсмертную тоску ни с чем не спутаешь. И охотник опустил руки, задохнулся в ее неумолимых тисках... Или это разлилась по всему телу ставшая в последнее время привычной боль, которая то накатывала резким удушьем, то отступала? Сквозь густую пелену ее смутно долетали до охотника грузные, приближающиеся шаги оборотня...

– А-ааа-ааа-а! – хотел закричать он. Но из синеющих губ вырвалось слабое шипение, отдающее запахом перегара...

Кажется, оборотень оказался еще страшнее, чем мог предположить охотник. Он надвигался, застилая собою белый свет, и хруст валежника под его лапами взрывался в ушах охотника, как динамит, которым глушат в здешних реках рыбу.

«Он убьет меня... – мелькнуло в гаснущем сознании охотника. – Мое тело засосет трясина, и никто никогда не узнает, как закончилась моя жизнь. Или я уже умер... и вижу перед собой существо из ада, которое явилось по мою душу...»

* * *

Москва. Полгода спустя

Альбина Эрман выбирала костюм для вечернего выхода. Сегодня ей надо выглядеть шикарно и соблазнительно – возможно, мужчина ее мечты наконец решится и сделает ей предложение. Все к тому идет последние пару месяцев.

– Примерьте вот это, – предложила продавщица – худощавая девушка в мини-юбке, коротко стриженная, с крашеной челкой торчком. – Элегантная модель!

«Совсем как я на заре своей карьеры», – подумала госпожа Эрман, глядя на нее. Снисходительно кивнула и пошла к примерочной кабинке.

Белый костюм вправду оказался ей и в пору, и к лицу: юбка в обтяжку, едва закрывающая колени, приталенный жакет с гладким длинным рукавом, с оригинальной скрытой застежкой смотрелся великолепно за счет переливов благородного атласа. Отсутствие вычурных деталей только подчеркивало изысканные линии безупречного кроя.

Цена немного смутила, но Альбина колебалась одно мгновение, после чего переоделась, вышла из примерочной и велела продавщице упаковать покупку. В такой день экономия неуместна.

По дороге домой госпожа Эрман невольно погрузилась в воспоминания: как несмышленной девчушкой выпорхнула из школы, как отвергла инициативу родителей помочь ей поступать в медицинский институт, где они оба работали на кафедре кардиологии, и устроилась на работу в парфюмерный магазин. Подобным поступком Альбина нанесла сильнейший удар отцу и матери: потомственные врачи, они не представляли себе единственную дочь – красавицу и умницу, воспитанную в лучших традициях интеллигентной семьи, – за прилавком, продающей мыло, кремы и духи. Вульгарная, бесперспективная профессия! Предки Эрманов приехали в Россию еще при царе, да так здесь и осели: открыли частную практику, лечили высокопоставленных особ, их жен и детей, нужды в деньгах не испытывали и своих чад отправляли учиться медицине в Европу, дабы те продолжали славную династию. Альбина первая нарушила укоренившийся, казавшийся незыблемым порядок. А Эрманы ставили порядок превыше всего, и даже века, прожитые в Санкт-Петербурге и Москве, не смогли их существенно изменить.

– Ты должна стать врачом, как мы! – твердили Альбине родители. – Люди болеют во все времена, при любом раскладе медик без куска хлеба не останется. Быть врачом престижно!

– Брать взятки у больных? – возмущалась дочь. – Нет уж. Увольте! А государство платит гроши. И вообще всю жизнь провести у постели хворых, заглядывать в чужие рты и ночные горшки – это не для меня.

Отец сокрушенно вздыхал, мать плакала украдкой, но Альбину это не остановило. Она пустилась в одиночное плавание по океану, имя которому *коммерция*. Через полтора года молодая девушка настолько преуспела на ниве торговли парфюмерией, что ее назначили старшим продавцом, а затем и заведующей отделом – при условии заочного обучения.

Недолго думая, Альбина поступила в торгово-экономический институт на факультет менеджмента, и через пять лет уже заведовала магазином. У нее появилась мечта стать хозяйкой пусть маленького, но своего бизнеса – давать индивидуальные консультации, предлагать эксклюзивную косметику и духи. Три года ушло на становление, и в двадцать семь лет Альбина уже была владелицей небольшого, но весьма изысканного салона «Камелия», где, кроме нее, работали еще две женщины: визажист-имиджмейкер и косметолог. Дело начало приносить доход, позволило рассчитаться с долгами и кредитом. Прибыль госпожа Эрман пускала на развитие сети салонов «Камелия».

К тридцати годам Альбина стала вполне обеспеченной, независимой, ухоженной, стильной дамой и впервые задумалась о замужестве. Ее требования к будущему претенденту на руку

и сердце были очень высоки. В «кормильце» она не нуждалась, материнства не жаждала, «вить гнездо» и «обустраивать домашний очаг» тоже не входило в ее планы.

В браке госпожа Эрман видела прежде всего удовлетворение своих амбиций. Разумеется, она родит одного ребенка и будет не прочь вести хозяйство в благоустроенном загородном доме, но работу не бросит. Салоны «Камелия» – ее создание, и она в состоянии позаботиться об их процветании.

С Альбертом Ростовцевым она познакомилась на одном из фуршетов. Он сразу привлек ее внимание: рослый, статный, с гордо посаженной головой и античными чертами лица – ни дать ни взять Аполлон в костюме от-кутюр.

– Кто это? – шепотом спросила Альбина у подруги, показывая глазами на понравившегося ей мужчину.

– Ростовцев.

– Женат?

Подруга отрицательно качнула головой.

– Нет, кажется.

– Чем занимается?

– Фабрикант. Легкая промышленность, склады, магазины; как сейчас водится, совместное производство с Европой, Китаем. Любитель восточных древностей и даосской философии.

– Почему я его первый раз вижу?

– Он только приехал... из Пекина. Несколько лет провел за границей, в России бывал наездами. Светские тусовки не посещает. И вообще... свободный, интересный, красивый, богатый мужчина. Чем не жених для такой, как ты?

Альбина задумалась. Нет-нет да и тянуло ее поглядеть в сторону Ростовцева. Один из взглядов он поймал, прищурился, сдержал улыбку. Хороша была женщина в черном декольтированном платье, с пучком завитых волос на затылке, с высоким, открытым лбом и чувственным рисунком губ. Хороша! Но не подошел – мало ли их, красавиц, вокруг? К женскому полу господин Ростовцев относился с прохладцей, потому и ходил в холостяках.

– Познакомить вас? – предложила Альбине подруга. – Я Альберта, можно сказать, со школьной скамьи знаю.

– Одноклассники, что ли? – не поверила та.

– В музыкалку вместе ходили. Я на скрипке училась играть, а он на гитаре. Класный парень был! Баскетболист, учился на «отлично» – все успевал. Теперь зазнался немного, смотрит свысока, общается неохотно. Спорт забросил, наверное, хотя... судя по внешнему виду, в безупречной физической форме. Ладно, пойду поздороваюсь.

Альбина не успела ответить, а подруга уже пробиралась между приглашенными к Ростовцеву. Они заговорили. Мужчина поискал Альбину глазами.

«Черт знает что!» – вспыхнула та, повернулась и зашагала к выходу.

Ростовцев догнал ее уже в вестибюле, остановил:

– Вы куда? Не любите фуршеты? Я сам их терпеть не могу. Партнер притащил! Давайте сбежим отсюда.

– Мы не знакомы, – холодно произнесла она.

– Бросьте! Мне вас только что заочно представила Лена Журбина. Скажете, вы и с ней не знакомы?

Слово за слово, Ростовцев помог ей взять из гардероба пальто, одеться.

– Меня машина ждет. Вас отвезти?

– Пожалуй, не стоит.

Альбина понимала – только «равнодушие» сможет привлечь такого мужчину. Он не умеет проигрывать! Он и мысли не допускает, что женщина может ему отказать.

Она еще чуть-чуть покапризничала, не испытывая чрезмерно его терпения, и милостиво разрешила прокатить себя по городу.

Ростовцев отпустил водителя, сам сел за руль черного «мерседеса». В Москве стоял конец марта. Снег посерел, съезился, из-под колес летела дорожная грязь. В мутных лужах плавали куски льда. Но в воздухе уже пахло весной, свежим ветром, капелью, отзываясь в сердце тем неповторимым ощущением беспричинного счастья, которое бывает на пороге перемен.

С того холодного, ветреного весеннего дня они начали встречаться – Альберт и Альбина.
– У нас даже имена звучат похоже! – улыбался он.

Ими восхищались, им завидовали, пророчили им скорую свадьбу. Однако Ростовцев вовсю ухаживал, дарил подарки, водил в театры и ночные клубы... а предложение делать не спешил. Альбина начала скрыто, подспудно раздражаться. В чем дело?

– Зачем вам жениться? – подливала масла в огонь подруга, та самая Лена Журбина. – Разве так плохо?

У Ростовцева, без сомнения, до Альбины были женщины, об этом говорил его опыт, свобода обращения, развязные манеры, изощренное искусство секса. Альбина до встречи с ним тоже имела романы с мужчинами: скоротечные, поверхностные. Два ее любовника не шли ни в какое сравнение с Альбертом – ни внешне, ни в бизнесе, ни в постели. И один, и второй предлагали замужество. Госпожа Эрман отказала обоим без сожаления. Любовники – для временных утех, супруг же – на всю жизнь. Иначе не стоит и огород городить.

– Хочешь познакомиться с моими родителями? – осторожно намекнула она Ростовцеву.

– Зачем? – удивился тот. – Смотрины решила устроить? Мы с тобой взрослые, самостоятельные люди, Аля. Или твои мама с папой не разрешают тебе гулять с плохими мальчиками?

Неожиданная издевка в его голосе поразила Альбину. Выходит, Ростовцев не собирается вступать в брак? «Мы просто любовники, – подумала она. – Обычные любовники!» От этой мысли стало горько. Теперь, когда Альбина по-настоящему сблизилась с ним, когда ее чувства из флирта переросли в нечто большее, оказалось, что Ростовцев их не разделяет. Он открыто и с удовольствием появляется с ней на публике, знакомит со своими приятелями и партнерами – восхищение, которое они выказывают *его женщине*, льстит самолюбию, – но чтобы назвать ее своей женой? Господин фабрикант не собирается менять удобный, ни к чему не обязывающий статус холостяка на статус женатого мужчины. Это не входит в его планы!

От обиды и унижения Альбине хотелось выть в подушку, как сотням, тысячам куда менее успешных, красивых и обеспеченных дам. Есть в жизни какие-то сферы, которые уравнивают всех, – здоровье, например... талант... любовь... смерть. Сколько бы денег, наград или славы ни дала человеку судьба, они не гарантируют, что он будет любим и счастлив, проживет долгие годы в радости и согласии, осуществит свои сокровенные мечты. Дурнушек носят на руках, а прекрасные принцессы украдкой смахивают слезы; какой-нибудь простофиля пышет здоровьем, а преуспевающий банкир глотает таблетки; неотесанный провинциал берет вершину за вершиной, а тонкий, образованный интеллигент не в состоянии сделать карьеру ни в науке, ни в искусстве. Ну и, конечно, смерть... уж она-то вовсе не разбирает, где царь, а где нищий.

Госпожа Эрман словно прозрела. Так вот как безжалостна, как упряма бывает Фортуна! Она не спешит раздавать призы тем, кто больше всех этого достоин. А достойной Альбина считала прежде всего себя. Разве она не заслуживает получить из рук Провидения желанный плод? Разве ее усилия, ее напор, ее ум, наконец, не проложили ей дорогу к успеху? Она, в отличие от многих подруг и знакомых, достигла определенного положения в обществе, может многое себе позволить... она хороша, в конце концов! Умеет одеться, подать себя, вести непринужденную светскую беседу. У нее есть стиль, шарм! Она твердо и уверенно ведет свое дело...

Чем больше Альбина размышляла, тем сильнее себя накручивала. Выходит, все, чего она достигла, не дает ей права на такого мужа, как Ростовцев? Неужели придется отдать его какой-

нибудь пустой, смазливой девчужке-модели с длинными ногами, выступающими ключицами и коровьими глазами? Ну уж не-е-ет!

Госпожа Эрман привыкла педантично просчитывать каждый свой шаг: это семейное качество она унаследовала в полной мере. Именно расчет, а не безрассудство, побудил ее после школы встать за прилавок, познавать будущую профессию изнутри, а не в институтской аудитории, проникнуться всеми ее мелочами и нюансами, чтобы затем взяться за образование осмысленно и с толком. Она училась не ради диплома, как большинство студентов, а обретала реальные знания, которые помогли ей продвигаться вперед в штормовом море бизнеса. Она выбирала сотрудников, поставщиков и партнеров тщательно и с дальним прицелом. Она изучала все тонкости, все свойства и прихоти рынка, чтобы обратить их в свою пользу. Тот же подход она применила к своей внешности и к своему имиджу. До сих пор она пожинала добрые всходы, достигала намеченных целей. Так неужели теперь, когда на карту поставлена личная жизнь, она сдастся и опустит руки? Ни за что на свете!

И Альбина взялась за Ростовцева всерьез. «То были цветочки, милый, – мысленно произнесла она. – Наступило время ягод! Я постараюсь, чтобы они оказались сладкими и пьяными!»

Она всегда добивалась желаемого результата, и не собиралась отступить ни при каких обстоятельствах. К тому же в ее душе начал проклевываться росток... любви? Чего-чего, а эдакого госпожа Эрман не ожидала.

Ловкость манер, хитрые приемы обольщения и присущий ей азарт произвели впечатление на Альберта – лед тронулся. Их интимные отношения стали жаркими и страстными, встречи частыми, а разговоры задушевными. Сегодня он пригласил Альбину на романтический ужин...

Она опомнилась, вынырнула из размышлений, едва не упершись лбом в стеклянную дверь магазина. Все ли она купила? Тряхнув головой, Альбина вернулась в ювелирный отдел. К наряду, который она приобрела, подойдут утонченные украшения из розового золота – кольцо и серьги.

– Покажите мне вот это, – подозвала она скучающую за прилавком девицу.

Пока та лениво давала пояснения, госпожа Эрман подумала, что сама давно уволила бы такую нерадивую продавщицу...

ГЛАВА 2

В кафе «Волна» было малоллюдно. За окнами бушевал ветер, бросал мокрым, колким снегом в стекла, гудел в трубах. Лед на реке еще не сошел, только стал рыхлым, ненадежным и серым. Весна нарушила его крепкий панцирь, его сверкающую белизну, проложила по нему пока невидимые, но зловещие трещины, и теперь ждала настоящего солнечного тепла, чтобы взломать его, поднять изнутри, сокрушить, перемешать с мутной, свинцовой водой и понести, понести... в дальние дали. Лед поплывет, не зная того, что по дороге он превратится в снежную кашу, а потом и вовсе растает, растворится в этом неостановимом течении реки. Куда и по чьему велению стремится она?

Частный сыщик Всеслав Смирнов из года в год, наблюдая ледоход, задавал себе этот философский вопрос. Куда текут реки? Куда и зачем торопливо шагают по московским улицам все эти прохожие? Куда растекаются они, заполняя поезда, корабли, автобусы и самолеты? Какому ритму они подчиняются и какова цель этого непрерывного, суетного движения? Есть ли в нем смысл? Или река жизни просто подхватывает их и несет, неведомо куда, как льдинки весной?

Как остаться самим собой в этом неподвластном уму заданном свыше порядке? А может, наоборот, отдаться на волю ветра и волн и, не заботясь ни о чем, плыть, созерцая живописные берега? Где-нибудь да прибьет к отмели...

Сам Смирнов относился к породе людей, которые везде и всюду стараются грести в нужную им сторону, невзирая на погодные условия. Пройдя суровую военную закалку – от Суворовского училища до десантного, от изнурительных тренировок до военных операций в «горячих точках» – и вынужденный в конце концов демобилизоваться, он занялся охранной деятельностью, а потом решил прокладывать собственный жизненный маршрут и подался на свои хлеба. Частный сыск – вот где он будет свободен в выборе и сможет применить профессиональные навыки.

Господин Смирнов брался только за те дела, которые сулили, наряду с приличным вознаграждением, удовольствие от работы, – они должны были оттачивать его интеллект, шлифовать логику и задействовать интуицию. Инструменты ума, которые не применяются, деградируют; инструменты духа, которые не используются, угасают. Разгадывать трудную загадку увлекательно, и каждое расследование должно быть в первую очередь приключением, а потом уже раскрытием преступления. Тем, кто не потерял вкус к игре, движет *интерес*.

В кафе «Волна» сыщик заглянул не ради горячего обеда – он ожидал здесь потенциальную клиентку. Молодая женщина позвонила ему сегодня утром, назвалась Анжеликой Ермолаевой и попросила о встрече. Откуда она узнала его телефон? От соседки. Та сказала, что ее племянник был замешан в очень неприятном скандале, а господин Смирнов помог ему выпутаться.

Фамилия племянника оказалась знакома сыщику: пару лет назад он действительно выручил молодого человека, которому грозило увольнение с работы и обвинение в растрате.

– Хорошо, – согласился Всеслав. – Я не даю официальных объявлений и предпочитаю, чтобы люди приходили ко мне по рекомендации. Буду ждать вас в кафе «Волна».

Она помолчала... и призналась:

– Я совсем недавно в Москве...

– Возьмите такси, скажите водителю адрес, он вас доставит, – посоветовал сыщик.

Он понял, почему ее выговор показался странным, – она произносила слова как человек, который делает это слишком старательно, и ее «а» звучало непривычно для московского уха. Так говорят в далекой провинции. Но сама речь была правильной, с грамотно построенными фразами.

«Я имею дело с учительницей из деревенской школы, – подумал Смирнов. – Либо с интеллигенткой, которая провела много лет в глуши, в уединении, читая книги и беседуя со своим отражением в зеркале».

Теперь он сидел за столиком у окна, ждал обладательницу странного говора и поглядывал на корабельные часы с начищенным медным корпусом. Все внутреннее убранство маленького уютного зала «Волны» напоминало кают-компанию – привинченные к столам светильники, картины морских сражений на стенах, барометры, корабельный колокол.

Когда дама вошла, сыщик похвалил себя за проницательность – она оказалась точно такой, какой он представлял ее. Очень прямая осанка, стройная фигура, гладко причесанные, старомодно уложенные на затылке волосы, длинное пальто с отрезной талией... не хватало, пожалуй, муфты и шляпки с вуалью. Чем-то эта женщина походила на гимназистку выпускного класса из уездного городка.

Всеслав поднялся и махнул ей рукой. Она медлила, озиралась в растерянности: будто забыла дома пенсне, а без него плохо видела. Ему пришлось подойти, представиться и проводить ее к столику. Вблизи было заметно, что она давно вышла из школьного возраста.

– Сколько вам лет? – не церемонясь, спросил сыщик.

Она не смутилась, не покраснела... ответила просто и открыто, подняв на него большие серо-зеленые глаза, опущенные длинными ресницами.

– Двадцать восемь.

Глаза – вот что являлось главным украшением ее лица с тонкими, но бледными чертами. Смирнов понял это, когда Анжелика посмотрела на него, и цвет ее глаз засветился нефритовым оттенком. В ушах молодой женщины висели старинной работы серьги с зелеными камнями – сознательно или бессознательно, она сделала акцент именно на том, что было в ее внешности привлекательным.

«Безупречный вкус или инстинктивное кокетство? – спросил себя Всеслав. – Нынче *тенденции моды* и лавина рекомендаций от знаменитых кутюрье напрочь лишили женщин и того, и другого. Единцам удается сохранить природное чувство меры и верность своему собственному выбору».

– Не знаю, право, насколько я могу довериться вам, – произнесла между тем дама.

– Если вы надеетесь на мою помощь, то выкладывайте все. Иначе нет смысла продолжать разговор.

Ее лицо дрогнуло, но осталось таким же вежливо-теплым, приветливым.

– Пожалуй, я так и поступлю. Мне совершенно не с кем посоветоваться! Близких я потеряла, а... с московской родней мы едва знакомы. Так что... не обессудьте: слушать придется долго.

– Это часть моего ремесла, – ободряюще улыбнулся Смирнов. – Смелее, Лика. Я могу вас так называть?

– Конечно.

От ее поведения и слов веяло неким забытым аристократизмом, ностальгической ноткой дореволюционной России, изысканными манерами правящего класса, которые из поколения в поколение впитываются в кровь.

– Откуда вы взялись здесь, в Москве? – не выдержал сыщик. – Перенеслись из дворянского гнезда начала прошлого века?

– Я приехала сюда полгода назад, – ответила она. – Не могу привыкнуть к большому городу. Ушум и Москва – слишком сильный контраст!

– Как вы сказали? Ушум?

– Да. Совсем крошечный поселок в тайге, между Амуром и Зеей: железнодорожный полустанок, глушь. До ближайшего островка цивилизации несколько часов езды. Болота, бурелом... зимой мороз, снежные заносы – ни пройти ни проехать. Мои детство и юность

вообще прошли на лесном хуторе... так что Ушум показался чудо-городом. Хотя там всего несколько улиц, деревянный вокзальчик, магазин и фельдшерский пункт. Люди в Ушуме зачистую рождаются и умирают, как исстари повелось, без исповедников и врачей. Раньше поселок жил лесозаготовками, а теперь... Ушум постепенно приходит в упадок... умирает. Брошенные дома рушатся, бывшие леспромхозы зияют пустыми провалами окон, повсюду валяются трухлявые, черные от сырости бревна. Гиблые места! Многие станции называют «призраками», они не действуют и зарастают молодым ельником.

Смирнову захотелось ущипнуть себя за руку – уж не спит ли он? Эта барышня приехала из Ушума? Кто ее научил таким манерам, разговору, умению подобрать серьги в тон к глазам? Жительница Ушума должна была бы ходить в меховом полушубке, сапогах и с ружьем, уметь стрелять навскидку, свежевать убитую дичь, изъясняться языком охотников и золотоискателей-одиночек.

– Вы учительница? – решил он проверить свое предположение.

Кем еще Анжелика Ермолаева могла быть в таежном поселке?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет. У меня вообще нет никакого образования, и я нигде не работала, ни одного дня. Официально школьный аттестат я получила в Ушуме, сдавала экстерном. Чтобы учиться, мне следовало жить в интернате, а... мама и дядя Аркадий и слышать об этом не хотели. Потом, когда мне исполнилось двадцать лет, он решился на переезд с хутора в поселок. Это далось ему с трудом!

– Дядя Аркадий вам кто?

– Отчим. Отца своего я не помню, мама умерла десять лет назад... от воспаления легких. Пока Аркадий Николаевич ездил в поселок за фельдшером, ее не стало. Наверное, ей не помогли бы никакие лекарства – она просто устала от жизни в захолустье, от безысходности, от ужасных бытовых условий, и захотела уйти. – Лика говорила о смерти матери спокойно, но глаза ее наполнились слезами. – Отчасти поэтому отчим оставил хутор... ему стало тяжело жить там, где прошли их с мамой лучшие годы. Но мне он объяснил по-другому: мол, в моем возрасте следует подыскивать жениха и создавать семью. Не выходить же замуж за лесного духа?

Лика опустила глаза, ее скулы порозовели.

«Чего-то не договаривает», – догадался сыщик. И спросил:

– То есть вы переехали в Ушум... в поисках подходящей партии?

– Так говорил Аркадий... Аркадий Николаевич, – поправилась она. – Он настаивал.

– Его фамилия Ермолаев?

– Селезнев. Ермолаева – фамилия моей матери. Они с отчимом состояли в гражданском браке. Так это, кажется, принято называть?

– Почему вы не работали? – спросил Смирнов.

– Во-первых, в Ушуме не было вакансий для такой избалованной девицы, – пошутила Лика. – А во-вторых, я в деньгах не нуждалась. Все мои потребности обеспечивал отчим. Значение денег я осознала в полной мере только по приезде в Москву. Кстати, я в состоянии оплатить ваши услуги – давайте оговорим размер предварительного гонорара.

Всеслав назвал сумму. Лика согласно кивнула – без колебаний, без раздумий положила на столик конверт с деньгами.

– Хорошо. Возьмите пока на текущие расходы...

Сыщик к ним не прикоснулся.

– Но... вы же не откажете мне в помощи? – растерялась она.

– Пока я не знаю, что от меня требуется. Поведайте о ваших проблемах, сударыня. – Смирнов невольно перешел на ее слог. – Тогда я определюсь, братья за дело, или нет.

– Это долгая история. И... смею вас уверить, я не страдаю душевной болезнью и не склонна к патологическим фантазиям. Если вы мне не поверите, то я останусь один на один со своими страхами...

* * *

Ночной ресторан клуба «Элегия» славился разнообразной кухней, интерьером в стиле модерн и отличным обслуживанием. Много изогнутых, прихотливых линий, стекла, цветных витражей с ирисами и лилиями, много красивой мебели и хорошая музыка.

– Что закажем? – спросил Ростовцев у своей очаровательной спутницы.

Он с удовольствием заметил: на них оглядываются. Альбина и в самом деле выглядела потрясающе – будто выпорхнувшая из эпохи роскоши диковинная птица. Обтянутое белым атласом стройное, сильное тело, в приподнятых кверху пышных смоляных волосах блестит жемчужная шпилька, – при таком великолепии лицо уже не имеет значения. Но и оно подчеркнуто изысканно: легкий макияж, розовая помада на губах, умело подведенные веки... блеск!

Альберт забыл о меню, откровенно любуясь своей визави. Что ни говори, а за госпожу Эрман краснеть не придется, – ее смело можно брать с собой в любое путешествие, в любое общество, выводить на любой уровень. Куда до нее смазливый девчонкам с одинаковыми «ослепительными» улыбками и тревожными глазами, кое-как натасканным в школах моделей и секретарш?! Это все равно, что сравнивать арабскую скаковую лошадь и обычную, наскоро ухоженную не слишком заботливым конюхом кобылку.

Он поймал себя на том, что думает о сидящей напротив красавице-женщине как о лошади, но не устыдился. Точно так же он думал бы, выбирая автомобиль, костюм или иную вещь для личного пользования – с тем же подходом. Хорошие вещи дорого стоят, и он готов платить. Почему любовница не должна быть представительной? Ведь она в некотором роде *представляет* мужчину...

– Давай закажем маринованного угря, – предложил он, оборвав мысль.

– Я не люблю китайскую кухню.

– Эта рыба особенно хороша под имбирным соусом, – уговаривал Ростовцев.

Альбина предпочитала традиционную еду – шницель и пасту, например. Или телятину с овощами. После шуточных препирательств остановились на жареной спинке косули с брусникой.

– Я уступаю только потому, что здесь не умеют готовить китайские блюда! – рассмеялся Альберт.

«Мужчина, который собирается сделать предложение, не ведет себя подобным образом, – в смятении думала хозяйка “Камелии”. – Что происходит?»

Неожиданное волнение охватило ее. Неотразимая и высокомерная с другими, она вдруг почувствовала, как ситуация выходит из-под контроля, и все перестало ее радовать: собственная элегантность, приглушенный свет люстр, томная мелодия скрипки, французское шампанское, и этот непонятный, самоуверенный мужчина, за которого она хочет выйти замуж. Ох, как хочет! А он не торопится связать себя узами Гименея.

– Потанцуем?

Он изящно, ловко повел ее под звуки танго – оказывается, господин Ростовцев умеет и это, – без сложных па, но с характерными приемами, со страстью. Он слегка рисовался... играл перед публикой, и посетители ресторана отвлеклись от еды и выпивки, наблюдая за вызывающе красивой парой.

«Они нам завидуют... – с горечью отметила Альбина. – Если бы они знали, как сложны наши отношения с Алеком, как непредсказуемы. Как холоден, закрыт он бывает, как неприступен в своей *самостоятельности*, как непреклонен! Но он любит меня и рано или поздно сдастся».

Ростовцев отдавался танцу, тем не менее сохраняя хладнокровие и четкость, строгую чистоту рассудка. Он внимательно, настороженно прислушивался к себе – что сердце, встрепнулось? Ничуть не бывало. Дыхание стеснилось от быстрых, порывистых движений, от близости женщины... от запаха ее духов, от выпитого шампанского, – только и всего. Тогда как мысль продолжала работать отстраненно, фиксировать тончайшие нюансы настроения, чувств.

«Неплохо иметь женой Альбину Эрман, – рассуждал внутри него кто-то деловой, беспристрастный и свободный от предрассудков. – Она будет достойной парой. Так почему же я не произношу тех слов, которых она ждет от меня? Почему я молчу и медлю? Ведь женитьба не навек, – можно и развестись, если вдруг не заладится. Я пригласил эту женщину для того, чтобы сделать ей официальное предложение, а сам не решаюсь, словно я школьник или недопепа, опасющийся отказа. Альбина *уже* согласна! Мы оба знаем – и она, и я, – что формально брак ничего не прибавит к нашим отношениям, кроме совместного проживания и определенного статуса».

«Разве подобные мысли приходят в голову любящему человеку? – оспаривал такую точку зрения ехидный, безжалостный *второй* внутренний голос. – Влюбленный мужчина немного пьян, немного безумен и беспредельно велик в этом своем чувстве, исполненном романтики и трепета. Твои же расчеты отвратительны, в них нет ни грамма любви, одна только выгода. Твоя способность все учесть, охватить все аспекты сделки подходит для бизнеса, но не для любви. Зачем тебе жениться, Ростовцев, если ты вымеряешь целесообразность союза мужчины и женщины, как фармацевт вымеряет порошки от головной боли? Максимум пользы и минимум вреда. Таинства свершаются на небесах, бедняжка Альберт, а не в аптеке! Ты что-то перепутал».

Кто был этим *вторым*, Ростовцев не знал. Принадлежал ли голос его душе, тому сокровенному, которое и являлось его глубокой, истинной сутью? Или то высказывал, как клоун на арену, вечный оппонент и заядлый спорщик?

– Поедем ко мне, – прошептал Ростовцев Альбине на ушко.

Надо же было что-то говорить? Слова о предстоящей свадьбе застряли в горле; как ни пытался Альберт произнести их, у него не получалось. Если быть до конца честным, не очень-то он и старался.

«Так заведено, – твердил он себе. – Достигшему тридцати лет мужчине пора обзаводиться семьей – женой, детишками. Смешно, ей-богу! Мне уже перевалило за тридцать пять, а я все еще не решаюсь ступить на этот шаткий мостик под названием “брак”. Чего мне бояться? Как бы ни сложились обстоятельства, я сумею обеспечить детей, позаботиться об их будущем. Жене дам отступного в случае развода...»

«Опять?! – даже как-то взвизгнул от радости *второй* голос. – Ты словно трамвай, милейший Альберт: неизменно съезжаешь на проложенную колею. Стыдно, дружок! Ты еще не успел облачиться в свадебный фрак, а уже анализируешь развод. Ты словно контракт подписываешь с ненадежным партнером!»

«Кстати, почему бы и не контракт? – возразил Ростовцев. – Брачный контракт».

«Фи! Это уж, братец, вопиюще дурной тон! – возмутился *второй*. – Мелочно... низко и недостойно тебя. Собираешься жениться на прекрасной, умной, преуспевающей женщине, что само по себе не часто встречается, и заранее обдумываешь варианты отхода. А впрочем... присмотришься к ней внимательнее, дорогой: она не зря назвала свои салоны “Камелия”. Нет, я не на “даму с камелиями” намекаю, – госпожа Эрман не из их числа, – я на сами цветы, которые не имеют запаха... Они красивы, изысканны – никто не спорит, – но аромата нет! Камелии не пахнут, драгоценный Альберт. Им чего-то не хватает для совершенства...»

От этого изнурительного диалога Ростовцеву захотелось выпить. Не шампанского – водки, и побольше. *Второй* голос был фамильярен, ироничен и зол. Он просто и беззастенчиво издевался!

Альбина не замечала этой странной и мучительной раздвоенности Альберта, ей стало жарко от его шепота, предложения поехать к нему... в его квартиру на Петровке, где тесно от китайских ширм и ваз династии *Мин* и где изо всех углов смотрят, разинув зубастые пасти и высунув длинные языки, красные, синие, зеленые и желтые драконы. Раньше она совершенно растаяла бы от его слов, от желания, сквозящего в них... но только не сегодня, не сейчас. Выходит, он берет паузу! Он не собирается...

– Я хочу кофе, – выпалила Альбина, сдерживая готовые выступить слезы. – И грушевый штрудель на десерт.

– Хорошо.

Оба понимали, что происходит, и продолжали делать вид беззаботной, развлекающейся пары.

Ростовцев подозвал официантку и сделал заказ.

– Принесите водки, – велел он напоследок. – Ты будешь?

Госпожа Эрман отрицательно повела головой и уставилась на музыкантов, боясь выдать взглядом или жестом свое огорчение. От того, что она *старалась* казаться естественной, ее лицо и все тело напряглось... и это напряжение передалось Альберту.

«Какого черта? – раздраженно подумал он. – Зачем мы, находясь рядом, разыгрываем шутов? Ведь ясно же, чего хочет она и чего хочу я! Хочу ли? Хочу... Хотел до недавнего времени. Но что с тех пор изменилось? Ровным счетом ничего».

«Ты снова гипнотизируешь сам себя! – взялся за свое *второй* голос. – Убеждаешь, как учитель жизни, *гуру*, поучает наивного несмышленика. Если кто из вас с Альбиной и шут, то пальма первенства явно принадлежит тебе, дражайший Альберт. Ты не знаешь, чего хочешь? Ха-ха! Разве не это качество ты больше всего не приемлешь в людях? Других ты судишь весьма сурово... как же теперь быть с самим собой?»

Официантка принесла десерт и водку. Ростовцев выпил, откинулся на спинку стула, ожидая облегчения... оно не наступало. Альбина пригубила кофе, заставляя себя улыбаться. Густая коричневая капля сорвалась с чашки и упала на белый атлас юбки, растеклась безобразным пятном...

Романтический вечер в «Элегии» был безнадежно испорчен.

ГЛАВА 3

Ли́ка Ермолаева пошла бы сейчас куда угодно, только не домой. Большая гулкая квартира наводила на нее тоску и страх. После разговора с сыщиком тоска обострилась, воспоминания посыпались дождем, – да что дождь! – грозовым ливнем затопили сознание, погрузили в прошлое.

Сколько Ли́ка себя помнила, жили они втроем: она, мама и Аркадий. Называть его отчимом язык не поворачивался – в детстве Селезнев полностью заменил ей отца: баловал, дарил подарки, приносил в дом маленьких зверьков – белку, соболька. Ли́ка их жалела, – поиграет немного и велит отпустить в лес.

– Там у них детки, – говорила она.

Одинокое житье в лесу, среди болотистой чащи, сделало бы семью отшельниками, не будь в нескольких километрах от хутора маленькой станции Ушум. Оттуда Селезнев привозил продукты, предметы обихода, одежду, игрушки для Ли́ки и книги – много книг.

– Девочка отрезана от мира из-за нас с тобой, – шепотом пеняла Аркадию мама. – Ее необходимо учить всему, что другие дети проходят на школьных уроках.

Несколько раз они обсуждали возможность отослать Ли́ку в интернат, где жили и учились ребяташки с таких же разбросанных по тайге хуторов да малых деревень. Но так и не решились на этот шаг.

– Я не могу отдать ее так надолго, – сокрушалась мать. – Лучше привези из Ушума учебники! Закажи, в конце концов, по почте всю необходимую литературу. Я сама буду учить Ли́ку языкам и гуманитарным предметам. А ты возьмешь на себя математику.

О деньгах речь ни разу не заходила. Где Аркадий Николаевич брал средства на безбедное существование, Ли́ка не знала, да и не задумывалась. Много давала тайга – пушнину, дичь, грибы и ягоды, дрова, лекарственные травы. Селезнев был умелым охотником – возвращался из лесу с богатой добычей, ездил куда-то, сдавал; в обмен привозил сахар, муку, консервы, мыло и прочие нужные вещи. Часто вечерами, когда Ли́ка ложилась спать, Аркадий и мама подолгу шептались о чем-то, вздыхали.

Изредка к ним на хутор забредали другие охотники, наведывались геологи и какой-то следопыт из Ушума. Гостей принимали внешне радушно, но настороженно – старались спроводить поскорее. Когда Ли́ка сильно заболела, Селезнев привозил лекарства из поселка, а так, слава богу, на здоровье ни мама, ни отчим не жаловались. Видимо, на них благотворно влиял таежный воздух, родниковая вода, ягоды, дикий мед, простая, свежая пища и размеренный образ жизни. Ссор, серьезных стычек Ли́ке наблюдать не доводилось, слышать крики и брань тем более. Только шумели зимой и летом деревья, звенел гнус, пели птицы... или скрипел, трещал от стужи деревянный дом, пылали дрова в печи, выли белые вьюги, налетали ветры, шли дожди. Горела на столе керосиновая лампа, мама заставляла Ли́ку повторять французские глаголы, ворчал Аркадий:

– Хватит тебе мучить ребенка, Катя. Что ее ждет, по-твоему? Светские приемы, балы и рауты? Это все в прошлом, в прошлом!

– Есть ценности, которые могут быть востребованы в любые времена, – печально вздыхала мать. – И чем нам заниматься, Аркаша? Пусть девочка научится говорить по-французски. Надо извлечь выгоду из нашего отшельничества. По крайней мере, мне никто не помешает воспитать дочь так, как я хочу. Потом она сама решит, что ей ближе к сердцу, где и как себя вести. Когда-то же придет конец нашей ссылке? – Она вопросительно смотрела на Селезнева, а он отводил глаза.

Отчим был крепок, силен, удивительно вынослив, хотя в волосах пробивалась седина. Он мог неделями бродить по тайге, знал ее, любил... и она отвечала ему взаимностью. Охотником

Селезнев был отменным, так что в свежем мясе семья нужды не испытывала, как, впрочем, и во многом другом. Не хватало общения с людьми, комфорта в быту, музыки, театра и кино – всех этих городских благ, – но только Катерине Игнатьевне, не Лике. Лика другого ничего не видывала, и думала, что так живут все.

Взрослея, читая книги, она начала понимать, как отличается их житье-бытье от описываемого на страницах повестей и романов. Словно они отстали лет на сто, затерялись между лесистых сопок, и перемены огибали их тихий хуторок на отшибе, текли себе мимо, в Хабаровск, Владивосток, в Благовещенск, в далекие шумные города. Неужели все это существует на самом деле – дивные, сказочные Москва и Санкт-Петербург, Париж, Лондон, дворцы, каменные храмы, асфальтированные дороги, морские курорты? Смешно сказать, но ни радио, ни телевизора на хуторе не было, их Лика впервые увидела в Ушуме. Особого восторга они у нее не вызвали.

Глушь и заброшенность, как она теперь считала, сыграли положительную роль в ее судьбе: сознание, ум, восприятие действительности не подверглись воздействию массовой культуры, образования, общественной среды, – остались чистыми и непосредственными. Будь у нее под рукой сотни городских соблазнов и развлечений, она бы не получила тех знаний, которые ей дали мама и Аркадий Николаевич. Разве она говорила бы свободно по-английски и по-французски, помнила бы наизусть стихи Пушкина, Брюсова, Гумилева, Ростана и Аполлинера? Читала бы классиков? Умела бы приготовить лекарство из трав, понимать язык леса, подстрелить соболя или косулю? Да, в какой-то степени она осталась невежественной простушкой, но кое в чем выиграла. Чем ближе она знакомилась с причудами и особенностями большого города, тем больше в этом убеждалась. Она привыкала к «блеску и нищете» цивилизации быстро и легко, – пускай бы горожане попробовали выжить там, где на десятки километров вокруг тайга, сопки да болота! Ей становилось смешно, когда она представляла себе эту картину.

Их дом в лесу был деревянным, срубленным из цельных бревен, прочным и теплым. На окнах стояли ставни и сетки от гнуса. Воду брали из бурной, прозрачной речки, звонко журчащей в ольховых зарослях. Аркадий Николаевич ездил к реке на подводе, набирал воду в большие алюминиевые фляги, делал запас для дома и для баньки. Мылись в парной, по-русски, с вениками, с жарко пышущей каменкой, куда плескали душистый травяной настой. Волосы после лесной воды с травами струились, как шелк, легко расчесывались и блестели.

Когда перебрались в Ушум, условия немного изменились, – больше людей, больше событий. В магазин Лика ходила как на экскурсию, нравился ей и деревянный вокзал, проносящиеся мимо скорые поезда, тяжело груженные товарняки, – от них пахло углем, вольными просторами, корой лиственниц, ветром из дремучих чащ. Тепло светились окна пассажирских вагонов, в них выглядывали непонятные, *другие* люди из больших промышленных поселков, из каменных городов. Наверное, дивились жизни здешних обитателей – стариков и старух, бывших лесорубов, охотников, работников станции. Скорые поезда не останавливались в Ушуме.

Может показаться неправдоподобным, что в таких условиях, в отсутствии комфорта, общения и культуры выросла благовоспитанная, умная и самостоятельная девушка Лика. После глухого Ушума она за полгода почти освоилась в Москве... правда, плохо привыкалось к длинным улицам, потокам машин на дорогах, лифту и подземелью метро.

Как ни странно, Лика тосковала о времени, проведенном на хуторе, где Аркадий, мама и она жили, словно Робинзоны на необитаемом острове. В Ушуме было уже не то! Вообще после смерти мамы начали происходить те самые события, которые и заставили Лику... даже вспоминать об этом не хотелось.

Аркадий Николаевич был безутешен, он похоронил женщину, с которой прожил бок о бок... лет пятнадцать, не меньше. По крайней мере в четыре года Лика получила от него в подарок китайскую куклу – очень красивую, яркую, с высокой прической из жестких черных волос

и в шелковом наряде. Куклу звали Чань, Лика берегла ее, как зеницу ока, привезла ее с хутора в Ушум, а потом в Москву. Чань восседала на почетном месте в квартире – на крышке старинного пианино, – смотрела на свою хозяйку узкими раскосыми глазами и улыбалась. Улыбка на ее лице вовсе не казалась застывшей, алые губки лукаво изгибались то радостно, то иронично. Лика частенько разговаривала с Чань, поверяла ей свои сначала детские, затем девичьи секреты. Кукла заменяла ей подругу – преданную, молчаливую, все понимающую.

В положенный срок Селезнев накрыл поминальный стол, и они с Ликой вдвоем уселись выпить за упокой души Катерины Игнатьевны, закусить блинами, рисом и пельменями. Лика горько, навзрыд расплакалась. Она не могла видеть на месте, где всегда любила обедать мама, пустую тарелку и рюмку с водкой, накрытую кусочком хлеба.

– Ну, вот и хорошо, – обняв ее за плечи, приговаривал отчим. – Вот и слава богу! Слезы как вешняя вода, унесут с собой и прошлогодний снег, и прошлое горе. Ты плачь, Ли! Плачь...

Он называл Лику на китайский манер – Ли. Предки Аркадия Николаевича, по его словам, жили в Харбине, откуда под угрозой японской оккупации вынуждены были перебраться в Уссурийск. Охмелев от самодельной водки, отчим пускался в рассказы о Харбине – этом уголке старой России в Китае. О его березовых, ореховых и тополиных аллеях, православных церквях, утопающих в черемухе и сирени, о шикарном отеле «Модерн» с банкетными залами, рестораном и кинотеатром, о городском саде, где журчали фонтаны, а через пруды были перекинута ажурные мостики. По воскресеньям для прогуливающейся публики там играл духовой оркестр...

– У нашей семьи были сбережения... в Гонконг-Шанхайском банке. Потом все сгорело, пошло прахом. Пришлось бежать от японцев! Впрочем, большевики оказались ничем не лучше. Дедушку посадили и расстреляли, бабушка умерла, а отца сдали в детский дом. С девяти лет из его памяти старались вытравить, кто он и откуда.

Лика едва понимала, о чем идет речь.

– Твоя мама, Ли, была божественной, кроткой и прекрасной женщиной, – тяжело, надрывно вздыхал Селезнев. – Ее первый муж погиб... где-то в Шанхае. О, прости, дорогая! Речь ведь идет о твоём покойном отце. Он нелегально перешел границу и... Впрочем, тебе лучше не знать.

– В Шанхае? – удивилась Лика. – Мама никогда не упоминала об этом.

– И правильно делала!

– Кем был мой отец?

– Понятия не имею, – сдвинул брови Аркадий Николаевич. – Катенька все скрывала, все таилась. Будто я стану ее ревновать к... – Он осекся, глаза покраснели, налились слезами.

– Значит, ты познакомился с мамой в Уссурийске? – спросила Лика.

– Допустим. Какая разница?

Она вдруг осознала, что ее мать и Аркадий жили настоящим, а прошлое то ли стерли из памяти, то ли отказались от него. Первые вопросы Лика задала, когда мама скончалась, и то не сразу.

– Почему мы живем на этом хуторе, в лесу? Где ты пропадаешь неделями?

– Здесь наш дом, – избегал прямого ответа Селезнев. – И не пропадаю я вовсе, а хожу на охоту, зверя промышляю. На какие средства мы существуем, по-твоему?

– Значит, ты едешь шкурки продавать? Куда?

– Не женское это дело.

Лика все чаще задумывалась. А отчим смотрел на нее долгим, тревожным взглядом.

– Как ты похожа на Катеньку! – восклицал он. – Я раньше не замечал. Такой бледной, тонкой, с длинной шелковистой косой она была пятнадцать лет назад.

Лике отчего-то хотелось уйти, спрятаться в своей комнате, закрыться на щеколду...

* * *

– Он так и не сделал тебе предложения? – удивилась Лена.

Альбина, вытирая слезы, молча покачала головой.

– Ну и ну! Ростовцев на мямлю не похож...

– Это не то, – вздохнула госпожа Эрман. – Он вообще, по-моему, не горит желанием жениться. Сама подумай, зачем? Домашнее хозяйство может вести домработница, а недостатка в женской ласке Альберт никогда не испытывал. Ведь вот живем мы с ним как любовники, его устраивает.

– А тебя?

– Не знаю...

Альбина успокоилась, перестала плакать. Случившееся, – вернее сказать, не случившееся, в ресторане клуба «Элегия», – уже немного остыло. В конце концов, не сегодня, так завтра, но Ростовцев станет ее, Альбины, мужем. Их многое связывает, у них одинаковые взгляды на вещи, одинаковые мнения. «Впрочем, достаточно ли я его знаю?» – подумалось вдруг ей.

– Почему ты не выходишь замуж за Треусова? – спросила она у подруги.

– Не зовет.

Павел Треусов занимался строительным бизнесом. Дела у него шли не так быстро, как хотелось бы, но его фирма «Кречет» развивалась, набирала обороты и пользовалась хорошей репутацией. Треусов не хватал звезд с неба, а шаг за шагом добивался увеличения оборотных средств, изредка брал кредиты, – словом, талантом предпринимателя не блистал: брал упорным, кропотливым трудом. В каждом деле есть свои гении и свои рабочие лошадки. Треусов относился к последним. В отличие от Ростовцева, Павел был уже женат, разведен, и время от времени супруга делала попытки отсудить у него часть имущества.

С Леной Журбиной Треусов встречался уже несколько лет, но жениться не спешил. Ему хватило первого брака, последствия которого он до сих пор продолжал расхлебывать. В тощем теле Стеллы Треусовой, его бывшей жены, таилась недюжинная сила. Даром что она была старше мужа на четыре года, а по виду на все двадцать лет, – энергия была из нее ключом, и преимущественно по бывшему супругу. Сын Треусовых, длинный худосочный подросток с вечно унылым выражением лица, встал на сторону матери и вместе с ней взялся досажать Павлу Андреевичу.

– Его Стелла по судам затаскала, – объяснила Журбина. – Спасу от нее нет. Представляешь, она раз в неделю непременно звонит и что-нибудь требует. То в санаторий Олеженьку отправить, то в частный колледж устроить, то компьютер новый купить, то... в общем, кошмар! Паша весь издергался.

Лена изливала накопившуюся горечь, Альбина думала о другом, почти не слушала. Отношения подруги с Треусовым волновали ее постольку-поскольку. Ей бы разрешить свою проблему. И чего она, в самом деле, так рвется замуж за этого Ростовцева?

Раньше у госпожи Эрман маячили впереди цели: прочно встать на ноги, обрести самостоятельность, заработать денег, стать респектабельной хозяйкой собственных салонов, а не трудиться на кого-то. И вот она на Олимпе, созданном сначала в воображении, а потом и в жизни, – всего добилась! При том, что бог ее не обидел ни внешними данными, ни умом, ни настойчивостью. Красивая, ухоженная, стильная... не лишенная внимания мужчин. Что ей еще надо? Чего ночами не спит, горячие слезы льет?

Оказывается, победа – серьезное испытание. Покорителя вершины после восторга и эйфории ждет... пустота. Стремиться больше не к чему, восхищение публики постепенно идет на убыль, страсти охлаждаются, довольство перерастает в скуку и раздражение. Не от того ли бывшие звезды и бывшие чемпионы начинают прикладываться к бутылке, забываться при помощи наркотиков? На вершине долго не простоишь – холод, ветер... да и делать больше нечего. Придется спускаться...

Если новую вершину себе не наметил, так и застрянешь внизу.

Альбина Эрман собиралась покорить новый пик – выйти замуж за Ростовцева. В статусе жены, хозяйки богатого дома, возможно, матери она еще не бывала.

– Я не отступлю, – твердила, как заклинание, госпожа Эрман.

Ей стало невмоготу возвращаться после бурного рабочего дня в пустую квартиру, где царили тишина и порядок... пить обезжиренный кефир и садиться у телевизора, щелкая пультом. На всех каналах показывали одно и то же – по крайней мере, так казалось Альбине. Подобное времяпрепровождение ждало ее завтра, через месяц, через год... через десять лет. Придет старость, но ничего не изменится: будет та же квартира, тот же кефир и те же телевизионные каналы...

– Да ты не слушаешь! – обиделась Журбина.

– Что мы с тобой будем обсуждать через тридцать лет, Ленка? Болезни? Лекарства? – встрепелась подруга.

– Погоду, – засмеялась та. – Благодатная тема, когда все остальное исчерпано.

– Я не хочу! – Альбина встала и прошлась по своей элегантно и дорого обставленной гостиной. – Расскажи мне о Ростовцеве, вы все-таки ходили вместе в музыкальную школу. Что-то в нем остается закрытым для меня.

Лена пожала плечами.

– Я Пашу тоже иногда понять не могу! Ну, обжегся раз... так теперь всю жизнь бояться? Стелла – стержовная баба, спору нет, но не все же такие?

– Меня Ростовцев интересуется, а не твой Паша. Чем он увлекался в юности? За девчонками бегал?

– Скорее они за ним, – усмехнулась Журбина. – Алек в детстве уже был красавчиком – хорошенький, сил нет смотреть! Щечки румяные, глазки темные, блестящие и с поволокой, стрижек модная, костюмчик с иголочки – загляденье. Подростая, он хорошел и хорошел. Хоть картину пиши! Вполне мог играть героя-любownika в голливудских мелодрамах: плечи, торс, королевская осанка, волевой подбородок, губы как у чувствительного и нежного Ромео... девчонки из соседних школ приходили полюбоваться на него украдкой.

Альбина не сводила с подруги подозрительного взгляда.

– Уж не была ли и ты влюблена?

– Глупо отрицать, – призналась Лена. – У меня, конечно, преобладал другой интерес... но тогда это еще не овладело мной в должной мере. Кто тогда не страдал по Алеку? Даже молоденькие учительницы сохли по нему, не то, что девушки со всей округи. В нашей школе любое спортивное соревнование, в котором участвовал Ростовцев, собирало аншлаг. Девушка у него была, разумеется, – стройная длинноволосая блондинка с невероятно гладкой кожей, серыми глазами и тончайшим румянцем на скулах, – Юлька Коваль. Училась так себе, но лицом и фигурой затмевала солнечный свет. Звездная пара была: Альберт и Юлия! Никто не сомневался, что они поженятся. Ходили по школьным коридорам в обнимку, не стесняясь, – это в те-то времена, – гуляли под ручку по аллеям и бульварам. Ох, и завидовали им все! Зависть человеческая губительна.

– А что потом? Не сложилось?

– Да понимаешь... я же говорю, зависть! За Юлькой парень один из ее класса пытался ухаживать, души в ней не чаял. Только она смотреть в его сторону не желала, отшивала безжалостно. Это бы еще ничего. Но она вдруг взялась высмеивать поклонника, открыто, при всех выражать свое пренебрежение. Он и не стерпел! Сначала письмо ей написал: мол, тебе, Юля, лучше ответить на мою безграничную любовь. Я такую девушку отдать никому не смогу, поэтому в случае отказа тебе не жить. Жду до завтрашнего дня. Юленька посмеялась... а на следующий день перед первым уроком заявила незадачливому кавалеру, – я, дескать, выбор сделала: люблю Альберта. Ты обо мне и не помышляй! Он насупился, промолчал, ушел в себя, почернел, как туча. До большой перемены парень как будто обдумывал что-то, а на уроке био-

логии встал и направился к Юле, поигрывая скрученной в трубочку газетой. Никто и пикнуть не успел, как газета со всего маху опустилась однокласснице на голову... та упала, уткнулась лицом в открытый учебник... а отвергнутый влюбленный выбежал вон. На миг все остолбенели. Первыми девчонки опомнились, завизжали; учительница за сердце схватилась, увидев, как вокруг Юлиной головы расплывается густая кровь... вызвали «Скорую», милицию. Юлю увезли в больницу, сделали операцию, только это не помогло. К вечеру того же дня она скончалась, не приходя в сознание.

– Разве газетой можно человека убить? – растерянно спросила госпожа Эрман.

– Так парень оказался не промах, обернул в газету железный прут: рассчитал, что с прутом-то его могут остановить... а свернутая газета никого не насторожит, в том числе и жертву.

– Его поймали?

– Далеко не убежал, нашли. Да что толку? Его отец тогда большим начальником был, откупился от милиции, поместил отпрыска в психбольницу, там состряпали подходящий диагноз... в общем, как теперь говорят, «отмазали» сыночка.

– Боже мой! – ошеломленно воскликнула Альбина. – Выходит, его даже не судили?

– Ты будто вчера на свет родилась! Конечно, нет. Какой суд? Признали, что убийство непреднамеренное, совершено в невменяемом состоянии, – подержали парня год в больнице за папины денежки, и все. Потом выписали, рекомендовали содержать дома, под присмотром. Дескать, в результате проведенного лечения большой опасности для общества не представляет.

– И где он сейчас, этот больной? Свободно разгуливает по улицам?

– В преисподней он разгуливает, – мрачно произнесла Лена. – Лет восемь назад прошел слух, будто жестокий ревнивец умер. Своей смертью или нет... история умалчивает. Может, помог кто...

– Ты на Ростовцева намекаешь?

– Ни на кого я не намекаю, подружка. Слухи разные ходили, а что произошло на самом деле – никому не ведомо. После похорон Юли Альберт с головой ушел в учебу: тянул на медаль, поступил в университет... с бывшими друзьями, приятелями, одноклассниками порвал. Словно плотно закрыл за собой дверь в прошлое. Университет окончил с отличием, насколько мне известно; занялся частным предпринимательством, пошел в гору. Чего ему стоила эта выдержка, не берусь судить. Ростовцев бежал из Москвы, – ездил то на Дальний Восток, то в Европу, то в Китай, жил обособленно. Свое затворничество объяснял тотальной занятостью.

– Он причастен к смерти того... как его фамилия, не помнишь?

– Борис Засекин, – вздохнула Лена. – Что касается обстоятельств его гибели, вопрос не ко мне. Я подробностями не интересовалась. Зачем? Все давно прошло и быльем поросло.

– Почему же ты раньше мне этого не рассказывала? – возмутилась Альбина. – Подруга, называется!

– Во-первых, ты не спрашивала. А во-вторых, у меня та старая история совершенно вылетела из головы. И хватит о грустном! Вы ведь с Ростовцевым уже год как встречаетесь? Открой мне тайну... каков он в постели?

Госпожа Эрман отвела глаза.

– Ревнуешь?

– Ну, что ты? Просто любопытно.

– Великолепен! – призналась Альбина. – Но... как бы правильно выразиться? Технически хорош. Понимаешь? Все классно... а чувствуешь, что он не увлекается, не *падает в небеса*. Контролирует процесс!

Журбина сочувственно кивнула.

– Когда восхищаются *техникой* актера, значит, он не заставил потерять голову. В своей роли убедителен, но недостаточно, чтобы забыться.

Альбине стало неловко.

– А как у тебя с Треусовым? – спросила она.

– Никак, – махнула рукой Лена. – Я иногда думаю, может, Стелла ему холодно не прощает? С другой стороны, разве остальные мужчины – завидные любовники? И ничего, любят их жены, лелеют. Секс – не главное.

– Да уж, – согласилась подруга.

Они переглянулись и рассмеялись.

ГЛАВА 4

Ева Рязанцева, красивая и мечтательная женщина, с которой господин Смирнов жил в любви и согласии, – по вечерам пристрастилась к наблюдению за звездами. Если небо было чистое, она выходила на балкон и созерцала созвездия, Млечный Путь.

– О чем ты думаешь, глядя туда? – однажды поинтересовался сыщик, тыча пальцем вверх.

– Пытаюсь понять, *что это*. – Она показала рукой на звездное небо и повторила: – *Что это?*

Смирнов молчал. Вопрос сначала казался легким, а потом поставил его в тупик. *Что это?* Ничего себе, вопросик!

Он действительно *не знал*. Сказать, что перед ним ночное небо? Это каждому ребенку известно. Космос? Межпланетное пространство? Поверхностные, неопределенные ответы. Вопрос искал глубокого, всеобъемлющего проникновения в суть, а не расхожих фраз. *Что это?* Попробуй, догадайся.

– Ну, ты умеешь спросить! – вздохнул Смирнов.

– Ты сам меня научил: главное – задать правильный вопрос.

– Это касается сыска, а не... – Он споткнулся на полуслове, не нашел продолжения и махнул рукой. – Ладно, сдаюсь.

Ему хотелось рассказать Еве о встрече с Ликой Ермолаевой, обсудить кое-какие подробности. Склад ума Евы, основанный не на логике, а на интуитивном прозрении, позволял подойти к проблеме с иной точки зрения. Два разных подхода освещали картину происходящего с разных сторон, отыскивая тот поворотный пункт, который подталкивал расследование к развязке.

По профессии Ева была преподавателем испанского языка, а по характеру – любителем приключений. Она стала не просто спутницей жизни, но и незаменимой помощницей в его сыскальной деятельности, внося в «оперативные мероприятия» психологический анализ и мистический уклон. Постепенно Смирнов по достоинству оценил то, что сначала принимал в штыки, – *невидимую* подоплеку очевидных событий, которую угадывала Ева. Он привык советоваться с ней, спорить и находить новые, скрытые подтверждения ее невероятных предположений. Ему стало интересно услышать ее мнение.

– Не хочешь узнать, как прошла встреча с клиенткой? – спросил он.

– Хочу.

– Мадемуазель Ермолаева мне поведала удивительнейшую историю – от начала и до конца похожую на вымысел. Странный вымысел.

– Возьмешься за ее дело?

– Да. Интеллект застоялся, требует упражнений, тренировок и практического применения. Ржавеют винтики, колесики становятся неповоротливыми, механизм скрипит!

– Так уж и скрипит? – засмеялась Ева. – Надо смазать. Я приготовила твою любимую рыбу в сметане и сливочный торг. Вино купил?

– На обратном пути из кафе «Волна». Нас ждет пир?

За едой он описал Еве молодую женщину, приехавшую из таежного поселка Ушум.

– Никогда бы не поверил, что она почти всю жизнь провела в лесу. Такое впечатление, будто барышня только-только выпустилась из Института благородных девиц. Чудеса! Жаль, тебя не было.

– Надеюсь, ты мне ее покажешь?

– Зрелище того стоит. Это как на Тверском бульваре встретить екатерининского вельможу. Глазам и ушам не веришь. А он идет и улыбается, у него есть дело для частного детектива. Разве не диво?

– Она действительно из таежного поселка, эта Ли́ка?

– По ее словам, именно так. Вырастили ее мать с отчимом, которые безвылазно жили на лесном хуторе. Ты представляешь? А мадемуазель говорит по-французски! Ее мама научила.

– Россия велика, – назидательно произнесла Ева. – Есть такие уголки, куда цивилизация еще не скоро доберется. С педагогической точки зрения, жизнь в глуши не мешает, а, наоборот, способствует изучению как языков, так и других дисциплин. Это я тебе авторитетно заявляю! Развлечения отсутствуют, время девать некуда... вот и почва для самообразования. А каким ветром родителей Ли́ки занесло в тайгу?

– Она сама толком не знает. Думаю, они от кого-то прятались. Возможно, от властей. Десять лет назад мама Ли́ки умерла: простуда, воспаление легких и все такое... Похоронили ее недалеко от хутора, там, где могилы прежних хозяев. Отчим решил перебраться в Ушум, дескать, хоть маленький, да поселок, – какие-никакие люди есть, мужчины опять же. Ли́ке исполнилось восемнадцать лет, девушка на выданье... не медведя же в женихи брать? Стали жить в поселке...

Смирнов увлекся, перед его внутренним взором снова сидела Ли́ка, с порозовевшими щеками, с нежными завитками волос на висках.

– Аркадию нравилось все китайское, – волнуясь, говорила она. – Он привозил много красной ткани, просил маму шить из нее занавески, подушечки. Мол, красный цвет отгоняет злых духов. Он мне на ночь китайские сказки нашептывал, про драконов, императоров Поднебесной, их коварных и прекрасных жен, про «царя тигров» и праздник Весны. Первая кукла, которую он мне подарил, тоже была китайская. «Береги ее! – велел. – Это волшебная кукла Чань, она будет твоим верным другом». В общем, я считала Аркадия отцом. После смерти мамы он был единственным близким мне человеком.

Она замолчала. Видно было, что подробностей слишком много, они путаются, и нить повествования теряется.

– Ничего, если я стану задавать вам вопросы по ходу дела? – предложил сыщик.

– Да, конечно! – с облегчением согласилась Ли́ка.

– Простите, а... на какие средства вы жили? Селезнев устроился на работу в Ушуме?

Она сделала рукой отрицательный жест.

– Думаю, Аркадий накопил денег, когда мы жили на хуторе...

– Каким образом?

– Охотился и сдавал шкурки, мясо, дикий мед. Иногда собирал женьшень и тоже продавал перекупщикам. Так он говорил. Когда мы переехали в поселок, отчим купил отходы леса, отремонтировал пустующий дом и... продолжал ухаживать в тайгу. Он и меня стрелять научил. В тайге без ружья нельзя. В Ушуме Аркадий очень изменился – пристрастился к выпивке, начал страдать бессонницей, шарахался от людей. Он вроде и хотел выдать меня замуж, но в то же время не любил, чтобы кто-то заходил к нам в дом. Домашнее хозяйство на хуторе вела мама, он ей помогал, а в поселке вдруг нанял пожилую женщину – убирать, стирать и готовить. Оберегал меня. Говорил, что от работы у женщины руки и душа грубеют.

– У вас был мужчина? Я имею в виду... кто-то вам симпатизировал?

– Нет. Жители поселка все в возрасте, молодых мало, да и те в основном пьющие. Мне не хотелось завязывать с ними более тесное знакомство. Должна признаться, я не помышляю о браке! Мне нужно просто привыкнуть к этим новым условиям жизни, к большому городу... ко всему, чего я даже не воображала. А тут... – она вздохнула, приложила руки к лицу. У нее были длинные тонкие пальцы с короткими овальными ногтями без маникюра. – Все началось еще в Ушуме. Однажды вечером Аркадий пришел домой сам не свой, я его давно таким не видела. «Что-то случилось?» – спрашиваю. Он молчит, бледный, как стена. Еле добилась ответа! «Вот, – говорит, – и показывает мне выстриженную на голове прядь. – Видишь? Быть беде!»

– Выстриженную прядь? – переспросил Всеслав.

– Представьте, да. Лето кончалось, отчим по утрам ходил в тайгу, возвращался поздно... и... я понимаю, это звучит смешно... в темноте кто-то незаметно состриг у него прядь волос. Смирнов сдержал улыбку.

– Послушайте, Лика, чтобы отхватить у человека прядь волос, необходимо подойти к нему вплотную. Ваш отчим никого не видел, ничего не чувствовал?

– Он сослался на сильную усталость... якобы, ходил по лесу, под конец едва не валился с ног... домой торопился, ну и не смотрел по сторонам, не прислушивался. Броне хрустнула ветка, но он не обратил внимания, не стал оглядываться, только ощутил, будто кто-то к волосам притронулся, и... все. Мало ли? Мог за куст, за ветку дерева зацепиться. Темно было! Я тогда его успокаивала, а он... прямо лицом почернел. Пошел в баньку, долго парился, потом водки напился. Сидел, сидел за столом, и говорит: «Раньше в Китае существовало поверье о злых демонах, стригущих волосы. Они подкрадываются к человеку, отхватывают клочок волос, и как сквозь землю проваливаются. Демоны те невидимые и предвещающие смерть. Сначала они состригают прядь, а потом приходят во сне и уносят жертву с собой. То есть... смерть наступает во время сна».

– Вы верите в предрассудки?

– Раньше не верила... – Лика опустила глаза, и тень от ее ресниц заняла полщеки. – Аркадий всю ночь не спал, ходил как в воду опущенный... потом успокоился. А на третий день снова в тайгу засобирился. «Может, не пойдешь?» – спрашиваю. Он помрачнел, сжал зубы... ружье на плечо повесил и был таков. С тех пор я его не видела.

– Как? Он что, не вернулся?

– Одни люди говорили, его медведь загрыз... другие искать ходили, думали, заблудился. Разве в тайге найдешь? Там если пропал кто, можно крест ставить. Я не верила, больше месяца ждала... от отчаяния все уголки в доме перерыла, все вещи пересмотрела – надеялась хоть адресок какой-то найти, хоть упоминание о родственниках. Ведь с уходом Аркадия я одна на всем белом свете осталась. Но ни мама, ни Селезнев ничего не хранили: никаких бумаг.

– Вообще ничего? – не поверил сыщик. – Ни писем, ни квитанций, ни документов? Ни записных книжек?

– Все, что принадлежало маме, отчим сжег после похорон. Я не возражала. Что кончено, то кончено. А память сама сохранит счастливые моменты, любимых людей, красоту природы, для этого бумаги не требуются. Свои документы он или надежно спрятал, или забрал с собой. Удалось обнаружить только записку: Аркадий положил ее в кармашек куклы Чань. Там был указан московский адрес, имя и фамилия женщины, которая проживает по этому адресу, и приписка: «Если со мной что-нибудь случится, одна не оставайся, уезжай в Москву. Стефания тебя приютит». Я могла бы еще долго не заглянуть в кармашек к Чань! Мне повезло.

– Вы отважились ехать?

– Не сразу. В сущности, я собиралась ждать отчима: не верила в его гибель. Однако с каждым днем мне становилось все тоскливее и страшнее. Вокруг чужие, равнодушные люди... я не понимала, на какое время мне хватит денег, оставшихся от Аркадия. Я нашла их в коробке с патронами, когда заряжала ружье.

– Постойте-ка... ружье Селезнев взял с собой? – спросил Всеслав.

– У нас было два ружья, – объяснила Лика. – Одним пользовался отчим, а второе оставлял мне.

– Все-таки, что заставило вас покинуть Ушум?

Лика смутилась, вспыхнула, сжала руки.

– Неловко посвящать постороннего человека в такие глупости! – с сердцем воскликнула она. – Но придется. Понимаете... однажды вечером, когда я сидела и прислушивалась к шорохам, шуму ветра... мне показалось, будто бы кто-то тихо-тихо, осторожно скребется в дверь.

Я подошла, затаила дыхание. Вдруг это Аркадий вернулся? Пока я взяла ружье, собралась с духом и открыла... на крыльце уже никого не было. «Аркадий! – вполголоса позвала я. – Где ты? Откликнись. Мне страшно». От порывов ветра скрипели деревья, хлопала ставня... что-то потрескивало. Показалось, будто из леса веет холодом и жутью... и смотрят, смотрят из чащи темные, бездонные глаза. Отчим не раз повторял, что в такие безлунные, ненастные ночи по тайге бродит черный дракон. Волосы зашевелились у меня на голове! – Лика судорожно вздохнула, помолчала, успокаиваясь. – Не помню, как я оказалась в доме, как закрыла дверь на все замки! – воскликнула она. – Это было как дурной сон! Вы мне не верите?

Смирнов ободряюще улыбнулся.

– Как бы там ни было, вас это сильно испугало, – сказал он. – И вам захотелось уехать, убежать подальше из страшного места.

– Не совсем так. Утром я долго не могла заставить себя выйти во двор... собственно, дворов-то в Ушуме как таковых не делали, даже заборы не ставили: просто территория вокруг дома, кое-как расчищенная. Поскольку я не суеверна, то подумала о следах. Тот, кто бродил вокруг дома, скребся в двери... должен был оставить следы. Аркадий, ради забавы, учил меня понимать язык тайги, разбираться в ее звуках, в отпечатках, которые оставляют ее обитатели, в их повадках.

– Вы что-нибудь обнаружили?

– Сначала ничего. Повсюду валялся палый лист, щепки – отчим возле дома рубил дрова, – а когда я наклонилась... заметила на земле несколько вмятин, похожих на следы лап с когтями. Когтей было пять... я посчитала, – они оставили глубокие ямки.

– Может, это тигр или рысь забрели в поселок? – предположил Всеслав.

– Тигр? Не-е-ет, – покачала головой Лика. – Что вы? Следы оказались не очень отчетливыми. Будь там рыхлая почва, другое дело... но насчет тигра я уверена: следы принадлежали другому зверю. Во-первых, собаки бы все с цепей рвались, лаяли до хрипоты. Во-вторых, вряд ли «таежный князь» подобрался бы так близко к поселку! Он себе цену знает. А для рыси отпечатки слишком велики.

– Я слышал, бывают тигры-людоеды.

– В таком случае, местные знали бы, всех бы предупредили. Я хотела соседа позвать, старого охотника, показать ему следы, – не успела. Дождь хлынул, все смыл.

– Вы полагаете, следы зверя и... пропажа вашего отчима имеют связь? – спросил Смирнов.

Лика смело взглянула ему в глаза.

– Я думаю, то были следы... *черного дракона*. Китайский дракон имеет пять когтей! И, как злой дух, он может состригать волосы у людей, приходиться к ним во сне и приносить смерть. В китайских поверьях дракон может менять форму, иногда таким образом проявляется Владыка Севера Хэи-ди – *черный государь*. Аркадий говорил мне об этом, но я ему не поверила. Еще он говорил, будто дракон, если разгневается, принимает человеческий облик... и тогда от него нет спасения.

– Оборотень, значит? – усмехнулся сыщик. – Неплохая байка для доверчивой девушки.

– А что вы на это скажете?

Лика достала из кармана и положила на столик гладкую черную вещицу, что-то среднее между гигантской иглой и дротиком. Если это игла, то где отверстие для нити? Если дротик, то... весьма странного вида.

Смирнов повертел вещицу в руках, хмыкнул.

– Похоже на китайскую или японскую булавку для волос, – заявил он. – Ничего зловещего. Откуда она у вас?

– Торчала в дверном косяке ушумского дома. Я на нее наткнулась тем же утром, уже после того, как обнаружила следы. Скажете, это тоже тигр? Чесал спину и оставил одну шерстинку?

С чувством юмора у Лики было все в порядке. Она наклонилась через стол и прошептала:

– Это был *черный дракон*, его *шерстинка*: одна из смертоносных стрел Хэи-ди. Он меня предупредил.

– О чем?

Лица выпрямилась, закрыла глаза и тихо произнесла:

– Не имею понятия. Это должны выяснить вы.

Возникла пауза.

– То есть? – не понял сыщик. – Что вы предлагаете?

Вместо ответа она продолжила рассказ:

– Я вытащила из косяка «булавку», как вы изволили выразиться, и осознала, что мне грозит серьезная опасность. Это не шутки! Аркадий исчез, неизвестно, жив ли он. Без веской причины он бы не оставил меня на произвол судьбы. Конечно, нелепо звучит эта история про состриженную прядь волос, *черного дракона*, его следы... но все так и было. Продолжать оставаться в пустом, угрюмом доме я больше не могла! Зловещее молчание леса и ночной мрак пугали меня. Я потеряла покой! Каждый скрип или шорох, каждый треск рассыхающейся доски, каждая шишка, упавшая на крышу, каждый стук ветки в ставню или сильный порыв ветра приводили меня в ужас. Еще одно обстоятельство делало мой отъезд неизбежным: я в полной мере прониклась своим одиночеством. Мой мир ограничивался тайгой, домом, мамой и Аркадием. Я не представляла себе будущего и не строила планов. Я познавала жизнь по книгам и рассказам родителей... будучи совершенно оторванной от всего, что большинству людей кажется обыденным, повседневным. Я как будто провела двадцать восемь лет среди дикарей, на каких-то покрытых буреломом островах, среди лесного океана. Вам ни за что не представить, каково это! Моим главным собеседником, подругой, поверенной сердечных тайн и сокровенных грез была китайская кукла Чань. Вы когда-нибудь разговаривали с куклой? Эти наполовину воображаемые диалоги отточили мое умение говорить, мой образ мыслей и, отчасти, мое поведение. Когда я сдавала экстерном экзамены на школьный аттестат, учителя из интерната не верили, что такое возможно. Они не были готовы к моим ответам. Разумеется, по многим предметам мои знания оставляли желать лучшего... и Аркадий заплатил деньги за то, чтобы оценки все-таки выставили. Он сам сказал.

– Смею заметить, ваша речь превосходна, а ваши манеры достойны восхищения, – искренне похвалил ее Смирнов. – Они старомодны, несколько церемонны, но тем и прекрасны. Вы удивительная женщина, Лица!

– Мне всегда казалось, что я уже жила когда-то... и теперь мой прошлый опыт пригодился. Читая книги, я ловила себя на том, что переживала нечто подобное, – застенчиво улыбнулась она. – Мама называла меня храброй девочкой, а я оказалась ужасной трусихой! Она ошиблась во мне. Стыдно признаваться, как я провела два дня до отъезда из Ушума: лихорадочные сборы чередовались с приступами паники. Я то смеялась, то плакала... то замирала от странных предчувствий. Слово мне предстояло путешествие в неизведанную страну! Из вещей я взяла с собой кое-какую одежду, подаренное Аркадием ружье, вот эту «булавку» и куклу Чань. В Ушуме раз в три дня останавливался местный поезд из нескольких вагонов, я купила билет и села в него. Ну, подробности длинного пути на перекладных я опущу... так или иначе, мне удалось благополучно добраться до Москвы. Это путешествие стоило нервов, зато я научилась множеству вещей и за неделю узнала больше, чем за все предыдущие годы. Денег хватило, и они даже остались, – отчим позаботился, чтобы я не попала в затруднительное положение. В Москве я нашла квартиру на Неглинной улице по адресу, указанному в записке, познакомилась со Стефанией.

– Кто такая Стефания?

– Экономка, домработница, хранительница жилья... называйте как угодно. Ее фамилия Красновская, она встретила меня необыкновенно радушно, без ее помощи я вряд ли смогла бы столь быстро и успешно освоиться в этом городе. Стефи не задавала никаких вопросов и только учила меня самым элементарным вещам, как несмышленного ребенка. Через пару месяцев, когда я мало-помалу начала привыкать к цивилизованному существованию, она заговорила о том, что следует оформить дарение квартиры. Якобы, это жилье приобрел на ее имя господин Селезнев с одним условием: если он сам или его дочь Лика переедут в Москву, то право собственности должно перейти к кому-то из них. Аркадий Николаевич заплатил ей большую сумму за эту услугу, и еще открыл счет в банке.

– Тоже на Красновскую?

– Нет, на предъявителя. Хотите спросить, сколько там денег?

– Нескромно, но хочу, – признался Смирнов.

Лика наклонилась и прошептала цифру. У сыщика округлились глаза. Судя по всему, мадемуазель Ермолаева очень даже платежеспособная клиентка. Можно смело брать предложенный аванс, без гроша за душой она не останется.

– Да ваш отчим просто новоявленный граф Монте-Кристо! – воскликнул он. – Баснословные доходы нынче приносит таежный промысел. Похоже, Аркадий Николаевич охотился не на соболя, а на золотишко. Или напал в дремучих лесах на алмазную жилу, не иначе! Либо ограбил банк. Потому и скрывался «вдали от шума городского».

– Тише, – испуганно оглянулась Лика. – Вы читаете мои мысли.

– Если не секрет, когда он обзавелся квартирой на Неглинной?

– Через год после нашего переезда в Ушум. Тем летом он пропал в тайге больше трех недель. Я уже начала волноваться, но он вернулся. Кажется, говорил, что подвернул ногу и отлеживался в охотничьей избушке. Таких в тайге много, на непредвиденный случай. Тогда у меня не возникло сомнений, а сейчас... я больше не желаю оставаться в неведении. Я хочу знать, что вокруг меня творится!

Она замолчала, нервно поправила волосы, вздохнула.

– Это все?

– Нет, – с усилием ответила Лика. – Возможно, мое беспокойство улеглось бы тут, вдали от хутора, от Ушума, от моего прошлого... если бы не одно происшествие. Стефания! Она так добра ко мне, так заботлива, что я не хочу потерять еще и ее. Только не принимайте меня за вздорную, капризную девицу, которая от скуки плетет вздор! – Лика природно-изящным жестом приложила руки к груди и умоляюще посмотрела на Всеслава. – Дело в том... в том, что... неделю назад кто-то отстриг у Стефи прядь волос. Она была не напугана, а удивлена, и высказала забавное предположение: дескать, хулиганы обрезают у женщин волосы и сдают их куда-то за деньги... кажется, в парикмахерские. Такое бывает?

– Не стану отрицать, – кивнул Смирнов. – Действительно, в городе можно увидеть объявления о приеме волос в обмен на деньги. Но... в данном случае обрезают бы целый хвост или косу. Какая прическа у госпожи Красновской?

Судя по описанию, сделанному Ликой, экономка носила каре – кончики волос торчали из-под ее шляпки, так что при известной сноровке отхватить ножницами прядку не представляло трудности. Это произошло вечером, когда пожилая дама возвращалась из аптеки, где она покупала таблетки от давления.

– И что, Красновская никого не заметила?

– Она близорука, а в холодную погоду очки запотевают или их залепляет снег, поэтому Стефи оставляет их дома. Было темно, сыпала мелкая, частая крупа... нет, она не успела ничего увидеть. В сущности, она как следует обратила внимание на отстриженную прядь уже в при-

хожей, у зеркала. Знаете, если бы эта странность не повторилась второй раз – после отчима, – я бы не придавала значения подобной мелочи.

– А «стрела дракона»? – пряча улыбку, спросил сыщик. – Ее не было?

Лица достала из сумочки и положила рядом с первой «булавкой» вторую – точную копию.

– Она торчала в дверном наличнике нашей квартиры. Потом, когда Стефи приняла лекарство и уснула, я вышла и осмотрела входную дверь... эту штуку воткнули рядом со звонком, чтобы сразу бросилась в глаза, наверное.

– Как же Красновская ничего не заметила?

– Плохое зрение... да и звонком она не воспользовалась, открыла своими ключами. Я очень боюсь, господин Смирнов! Всю ночь я не сомкнула глаз... а утром, ничего не говоря Стефи, пошла к соседке. Я придумала подходящий предлог, будто бы хочу отыскать своего родного отца, и мне нужен помощник, желательно профессионал в сыском деле. Нет ли у нее кого на примете? Мне повезло: я получила ваш телефон. Аркадий всегда привозил на хутор и потом в ушумский дом книги: среди них были рассказы Конан Дойла. Я с интересом их читала, но мне не приходило в голову, что я сама буду нуждаться в услугах частного детектива.

– Ну, тягаться с мистером Шерлоком Холмсом мне не под силу, – подивился ее наивности Всеслав. – Сей джентльмен – непревзойденный искусник.

История Лики напоминала примитивную смесь фактов и домыслов, которую любой мог почерпнуть из книг или примелькавшихся на телевизионных экранах сериалов: этакое ассорти – «черная стрела», следы зверя... только не собаки Баскервилей, а *дракона*... и так далее. Что, если девушка слегка не в себе от таежной жизни, от столичных реалий и свалившегося на нее богатства? Или вообще выдумала все «леденящие душу» подробности от начала и до конца? Обеспеченные люди порой выбирают весьма разнообразные способы развлекать себя. Что, если Лица – одна из них?

Смирнову приходилось встречаться с подобным явлением – дабы развеять скуку, дамы пускаются во все тяжкие. Особенно, когда у них нет необходимости зарабатывать на жизнь, зато полно свободного времени.

Он спросил мадемуазель Ермолаеву о подозрительных следах: не выходила ли она из подъезда, чтобы убедиться в их наличии?

– Выходила, – Лица пропустила мимо ушей его иронию. – Но в тот вечер сильно мелко, снежная крупа уничтожила отпечатки *драконьих лап*, если они были.

«Очень мило!» – подумал сыщик, изучая ее взглядом.

Он молчал, а Лица ждала его резюме. Возникла пауза, которую заполняла легкомысленная песенка, звучащая из динамиков кафе «Волна». «Мне теперь морской по нраву дьявол, его хочу любви-и-и-и-и-и-и-и!» – залихватски выводила певица.

«Попала в тему, – отметил про себя Смирнов. – *Черный Дракон*... веселенькое дельце!»

– Прошло уже полгода с тех пор, как вы приехали в Москву, – наконец, нарушил он молчание. – Не так ли? Вы живы и, надеюсь, здоровы. Судьба вашего отчима вам неизвестна. Вы же не видели его... трупа? Скорее всего, он тоже жив и здоров. С госпожой Красновской пока все в порядке. Откуда паника?

– Вы мне не верите? – вспыхнула Лица. – Почему? Я только прошу вас выяснить некоторые обстоятельства, которые меня пугают. В случае ложной тревоги, ваш гонорар увеличивается вдвое! Согласны?

– Втрое, – сказал Смирнов, думая отбить у нее желание связываться с таким наглецом.

– Согласна, – не моргнув глазом, заявила она. – По рукам?

Дама не оставила ему выбора.

Большие напольные часы в кабинете пробили полночь, возвращая сыщика из кафе «Волна» в собственную квартиру.

Ева, затаив дыхание, выслушала его длинный рассказ.

– Не буду комментировать, – сказала она. – Пойду спать. Завтра же надо проверить, можно ли отрезать у человека прядь волос так, чтобы он толком ничего не заметил. Она была в своем репертуаре.

ГЛАВА 5

Господин Ростовцев вышел из тренажерного зала в отличном расположении духа. Каждая мышца его крепкого, тренированного тела ликовала и пела – после такой разминки можно и *ушу* заняться. К этому виду боевых искусств он пристрастился в Китае, как и к даосской философии с ее теорией движения по кругу.

День переходит в ночь, ночь – в день, и так продолжается, пока существует мир. Нет ни конца, ни начала – только движение по замкнутой линии. Уходи, вместо того, чтобы сталкиваться с противником... и он растратит силы в бесплодных атаках. Истоци его! И ты обретешь победу без боя.

Альберт не сразу принял эту глубокую, проверенную веками мудрость. Он родился другим: нетерпеливым, деятельным, слегка агрессивным. Привык продумывать наперед многоступенчатые комбинации, наслаждаясь игрой мыслей. Женщины? После смерти Юли... он остыл, стал подобен потухшему вулкану, – слишком много огня породили его недра, слишком много пылающего дыхания вырвалось наружу. Чтобы вновь накопить выброшенную энергию, потребуются десятилетия. А может, и всей жизни не хватит.

Ростовцев теперь не мог относиться к дамам без известной доли скепсиса. Он их сравнивал с Юлей, и они раз за разом проигрывали этот «бой с тенью». Юля давно ушла из его снов, он почти забыл ее... он изваял в своем воображении ее копию и поклонялся ей, как неуловимому, ускользающему идолу. Двойник вытеснил настоящую Юлю, и превратился в совершенный образ, которому априори уступала любая женщина из плоти и крови.

Альберту всегда чего-нибудь да не хватало. В бизнесе – размаха, в игре ума – изощренности, в спорте – риска, в искусстве – страсти, в любви – полноты ощущений. Даосская система ценностей пришлась ему по вкусу, оказалась той нейтрализующей энергией, которая гасила опасное внутреннее пламя, уравновешивала жажду риска. Теперь по крайней мере Ростовцев не каждый раз выбирал рискованный путь. А эстетика Востока, в частности средневекового Китая, просто очаровала его. Китайцы пренебрегали формой ради содержания!

Он превратился в утонченного эстета, поклонника *ушу* и китайского искусства эпохи *Мин*. Его московская квартира напоминала покои восточного владыки, а его спальня изобилвала эротическими гравюрами: картинками любовных утех, которые в Китае считались священным слиянием *инь* и *ян*, женского и мужского.

– Сними эти непристойности, – изредка возмущалась Альбина. – Тебе не стыдно?

– Ты принимаешь творчество за порнуху, – однажды не выдержал он. – В любовных играх нет и не может быть ничего грязного или позорного. Китайцы это поняли столетия тому назад!

Госпожа Эрман надулась, впрочем, не надолго. Она решила женить его на себе, а посему обижаться ей было не с руки.

Примерно такие мысли одолевали Ростовцева, пока он спускался по лестнице в холл, выходил на улицу и садился в свою машину. Сегодня он сам был за рулем и наслаждался быстрой ездой, которая на столичных дорогах требовала определенной сноровки – чтобы не создать аварийной ситуации, не попасть на глаза патрульному дорожной службы и тем не менее ощутить выброс адреналина, без чего существование становилось невыносимо скучным.

Он с детства почитал риск, удивляясь, как можно заменить это *упоение* другими видами «кайфа». Алкоголь? Смешно и примитивно до отвращения. Героин? Неестественно и разрушительно. Только головокружительный умственный кулбит, который привел к намеченному результату, мог сравниться по силе переживаний со *скольжением на грани возможного*, – в бизнесе, за рулем или в каких бы то ни было иных обстоятельствах.

Зазвенел колокольчик, то дал о себе знать мобильный телефон Ростовцева. Такой сигнал – тоже дань китайским традициям.

– О, черт! – процедил сквозь зубы бизнесмен, притормаживая.

Прямо перед его машиной выскочил на дорогу большой лохматый пес. Нарушителю удалось унести ноги, Альберт же поднес трубку к уху – звонила госпожа Эрман.

– Ты где? – взволнованно спросила она.

– Еду по Ленинградскому проспекту, чудом не задавил собаку.

– Пригласи меня на ужин.

Ее голос звенел, как натянутая струна.

– Ладно. Что-то случилось?

– Да... жалко тратить время на всякую ерунду! – с плохо скрытым раздражением произнесла Альбина. – Навязалась тут на мою голову одна родственница. Честно признаться, я понятия не имею, в какой степени родства мы находимся, но мама попросила помочь. Это какая-то дальняя семейная линия от ее сводной сестры. Ужас! Девушка жила в таежном поселке, которого и на карте-то не сыщешь, а теперь перебралась в Москву. Ей, видите ли, нужно обжиться в столице, и вообще... она здесь никого не знает. Поэтому я должна хоть изредка брать ее куда-нибудь развлекаться.

– Неприятно, – посочувствовал Ростовцев. – Ох уж эти семейные обязанности. Ты не можешь отказаться?

Альбина выразительно вздохнула.

– Не получится. Я уже пообещала маме. Оказывается, эта барышня несколько раз им звонила, пыталась навести мосты. Алек, я... возьму ее с собой на ужин? Страшно не хочется, но...

«Этого еще не хватало! – заражаясь ее недовольством, подумал Ростовцев. – Провести вечер в обществе неотесанной деревенщины! Интересно, чем она занималась в тайге? Лес валила или мужиков ублажала?»

– Разумеется, дорогая, – вслух сказал он. – Бери свою протезе. Только проследи, чтобы она не надела в ресторан кирзовые сапоги.

Альбина с облегчением засмеялась.

* * *

Ранняя весна в Москве походила на робкую гостью во владениях властной и злой хозяйки-зимы. Та выживала молодую соперницу всеми имеющимися в наличии средствами: метелью, ветром и морозами, которые то и дело сковывали лужи, укрепляли оседающие сугробы и перехватывали горло звонкой капели. Тяжелая ледяная рука зимы не желала ослаблять жестокий захват. Гостя отступала, делала передышку и снова пыталась пробраться в заснеженный город.

Сегодняшний день прошел с переменным успехом – мокрый снег чередовался с холодным ветром, отовсюду капало, но к вечеру вступил в свои права мороз. Рыхлая каша на тротуарах затвердела, с серого, темнеющего неба посыпалась колкая крупа, и город погрузился в мутные, непроглядные сумерки.

– Самое время выходить на промысел, – пошутила Ева. – Обстригать пучки волос у зазевавшихся прохожих!

– Тебя побьют, – глубокомысленно изрек Смирнов.

– Стоит попробовать. Я тренировалась быстро вынимать из кармана ножнички и на ходу срезать прядку. Отлично получилось! – похвасталась она и предъявила в качестве доказательства испорченный упражнениями парик. – Пришлось надевать его на швабру и... чик-чирик! – Ева сделала в воздухе движение пальцами, имитирующее ножницы. – Не самый удачный вариант, но определенный навык выработался. Опыт подскажет, лжет твоя клиентка или говорит правду. Уж очень все подозрительно.

Она собралась, выглянула в окно.

– Погодка, как по заказу!

– Не увлекайся, – бросил ей вдогонку сыщик. – В случае чего, звони. Приду выручать.

Осторожно шагая по улице, Ева чувствовала себя заговорщицей – в кармане у нее лежали небольшие острые ножнички, а взглядом она выискивала в темной мгле подходящую жертву. Из-за похолодания большинство людей надели головные уборы, чем усложнили Еве задачу. Однако она не собиралась отказываться от своей затеи.

Конечно, взять и отхватить у женщины прядь волос, тем самым безнадежно испортив ей прическу, – настоящее свинство. Для Евы было важно не количество отрезанных волос, а сам принцип. Возможно ли произвести подобное действие, чтобы человек не успел толком ничего заметить? Теоретически, да... а вот практически?

«Если у отчима Лики и у Красновской пряди отстриг *злой дух*, то предосторожности, равно как и тщательный подход к выбору места действия, излишни. А если сие дело рук человеческих, то такие вещи вполне уместны, – размышляла Ева. – Вот в этот проходной двор удобно будет нырнуть, исчезнув с глаз пострадавшей дамы. Учитывая темень, испуг и далеко не безупречную криминальную репутацию столицы, жертва вряд ли решится преследовать обидчика».

Задумчивая молодая девушка с длинными, распущенными по плечам мокрыми волосами, почти поравнялась с Евой. Та позволила ей пройти чуть вперед, молниеносно выхватила из кармана ножницы, отрезала тонкую прядку и скользнула под арку, в темноту и сыплющийся колкий снежок.

Девушка на ходу обернулась, пощупала плечо, голову, волосы... приостановилась в растерянности. Она ничего не сообразила, потопталась на месте и пошла дальше. Скорее всего, обнаружит потерю уже дома, – расчесываясь и разглядывая себя в зеркало.

Два последующих проверочных «обрезания» удались на редкость легко. Без сучка без задоринки! Просто потрясающе невнимательны, погружены в себя женщины – они витают где-то далеко от этих вечерних улиц, ненастной погоды, пронизывающего холода, – парят в сладких мечтах, в воображаемых картинах счастья или поглощены тягостными воспоминаниями.

– Даже неинтересно, – прошептала Ева. – Спят они на ходу, что ли?

Разочарованная, она вернулась домой.

– Охота прошла успешно? – пошутил Смирнов. – А где добыча?

– Вот, – Ева протянула ему несколько жиденьких, мокрых прядок. – Любой человек при надлежащей расторопности сможет осуществить эту мелкую пакость. Не понимаю, чего боится Лика? Серьезный преступник такими глупостями заниматься не станет, а какой-нибудь мелкий хулиган не потащится за трусливой барышней из тайги в Москву. Да и был ли лесной хутор, потом глухой Ушум, вся та отрезанная от цивилизации жизнь?

– Полагаешь, она нас разыгрывает?

– Тебя. Богатая, неглупая молодая женщина... у которой все есть, только красивого, мужественного друга рядом не хватает. Почему бы не нанять частного детектива? Сначала для расследования, затем для встреч... собственно, встречи уже происходят. Она сочиняет, ты развешиваешь уши! Романтика!

Ева сердито сдвинула брови и отправилась пить чай, – за пару часов, проведенных на улице, она замерзла и настроила себя против новой клиентки. Трупов нет, ничего не украдено, никто не похищен, никому не угрожают, а мадемуазель Ермолаева бьет тревогу. Допустим, отчим ушел в тайгу и пропал! Еще неизвестно, правда это или выдумки изобретательной девицы? Некоторые через Интернет знакомятся, а кое-кто решил воспользоваться способом получше: обратиться к сыщику с дурацкой историей, прикинуться беззащитной, дрожащей от страха...

«Ева, ты ревнуешь! – оборвала она бурный поток мыслей. – Так не годится. Не умеешь держать в узде собственнические замашки – учи людей испанскому языку и ни о чем Славку не спрашивай».

Устыдившись, она подобрела.

– Хочешь, я напеку блинчиков с вишнями? – спросила она, примирительно улыбаясь.

Смирнов расцвел от удовольствия. Давно она не баловала его сладостями.

– Тебе не нравится Лика? – догадался он, наблюдая, как она взбивает тесто. – Считаешь ее лгуньей?

– Сам посуди, разве может человек провести всю сознательную жизнь в лесу, и при том иметь манеры светской дамы, говорить по-французски, успешно приспосабливаться к городским условиям?

– Она же не в волчьей стае росла, чтобы вести себя как Маугли! – возразил сыщик. – Хутор расположен рядом со станцией, и в Ушуме уж с три десятка дворов точно насчитается. Ты представь существование без телевизора, без общения с друзьями-приятелями, без учебы в школе, в институте, без работы... с утра до вечера в одних и тех же стенах, с матерью и отчимом. Чем им было заниматься, как не воспитывать единственную дочь, не обучать ее тому, что сами знают и умеют? Манеры прививаются легче, если есть наглядный пример; французский усваивается, если на нем говорить с детства, то же касается и остальных вещей. Судя по всему, Лике вырастила глубоко интеллигентная женщина, я бы сказал... аристократических кровей. Как она попала на таежный хутор? Это вопрос. Где Аркадий Селезнев брал средства на жизнь, на покупку квартиры в центре Москвы? И зачем, имея в течение семи лет комфортабельное жилье в городе, прозябать в каком-то Ушуме?

– Если это не плод фантазии изнывающей от скуки барышни, то действительно странно, – согласилась Ева. – Кстати, прежде чем решиться на эксперимент с «обрезанием», – хихикнула она, – я порылась в книгах. Оказывается, происшествия с волосами случались не только в Китае! Существует поверье, будто бы иногда невидимые демоны летают среди людей и отрезают у них косички прямо на улицах. Напрасно тогда мужчины и женщины размахивают руками и закрывают головы, косички продолжают срезаться как бы сами собой. А потом *злой дух Гуй*, стригущий волосы, приходит к жителям Поднебесной во сне и убивает их.

– Пустые суеверия, – недоверчиво хмыкнул Всеслав.

– Слушай дальше. В 1922 году в Лондоне произошло невероятное: на улицах среди людей возникла паника из-за того, что молодые привлекательные дамы вдруг стали терять волосы, – будто какие-то невидимые ножницы порхали в воздухе и отрезали их. Джентльмены пытались помочь своим спутницам, которые вопили от ужаса и возмущения... но тщетно. Вероятно, подобное случалось и в других местах.

Ева жарила блинчики, а Смирнов обдумывал сказанное. Горка блинчиков быстро росла.

– Ничего не понимаю! – воскликнул он. – Что за ерунда? Кто-то обрезает людям волосы... Бред. При чем тут Ермолаева, ее отчим и Красновская? Что все это значит? *Злой дух*, стригущий косички китайцев. Понятно, почему Лика не обращается в милицию. Ее на смех поднимут!

– Темная история, – саркастически произнесла Ева. – Ой, горит!

Она поспешно выключила сковороду и села. Сыщик ходил по кухне из угла в угол.

– Надо бы поговорить с этой Красновской...

– Вспомнила! – перебила его Ева. – У моей приятельницы однажды обрезали косу прямо на улице, посреди бела дня. Подскочил мужчина, шелкнул ножницами, и волос как не бывало.

– Мужчина из плоти и крови?

– Да. Он убежал. Никто не стал догонять. Решили, что человек хочет немного заработать, сдал волосы в парикмахерскую. Там из них делают шиньоны. Приятельница ужасно расстроилась – косу-то и за год не отрастишь.

Они ели блинчики, обдумывая ситуацию.

– Позвоню Красновской, – вернулся к своей идее сыщик. – Договорюсь о встрече.

Стефания Кондратьевна оказалась дома и охотно согласилась помочь.

- Лика дома? – спросил Смирнов. – Дайте ей трубочку.
- Она ушла. Кажется, ее пригласили на ужин.
- Кто?
- Дальняя родственница... Альбина Эрман. Лике нужна поддержка, забота, а я старею, уже в помощницы не гожусь, тем более, в подруги.
- Могу я к вам сейчас подъехать?
- Окажите любезность.

ГЛАВА 6

Ростовцев выбрал для ужина скромный ресторан «Триада». Название оправдывали три маленьких уютных зала, оформленных в стиле *ар-деко*, – изящная мебель, золотистые тона отделки, круглые столики на витых ножках. Каждый зал имел свои особенности: мраморный камин, внутренний фонтан, поющих птиц в золоченых клетках.

Альберт Юрьевич заказал столик в зале с фонтаном – журчание воды предпочтительнее птичьего гама – и собрался было ехать за дамами, как позвонила Эрман.

– Мы уже в такси, – предупредила она.

– Хорошо, я жду в «Триаде», у фонтана! – обрадовался Ростовцев.

Ему не хотелось вставать, идти вниз, к машине, садиться за руль. Не хотелось «развлекать» за столом незнакомую женщину, выслушивать разные нелепости. О чем они будут говорить? В отместку Альбине он кое-что придумал.

«Будь снисходительнее, – уговаривал себя Альберт, сидя за столиком. – Ты сам мог бы родиться в каком-нибудь Оленегорске. В конце концов, откуда в тебе эта спесь, этот снобизм? Родители – самые обыкновенные железнодорожные инженеры, всю жизнь вкалывали, и к твоему богатству до сих пор привыкнуть не могут. Что ты строишь из себя барина?»

Созерцая фонтан – мраморную купальщицу в гроте, – он успокоился. Воспитанный человек всегда сумеет удержать ситуацию под контролем.

Когда в арке входа показались дамы, он галантно встал и двинулся им навстречу. Бог мой! Рядом с красавицей Альбиной стояла... прилизанная, прямая, как штык, девица в немыслимом платье «из бабушкиного сундука». Где она его выкопала? Ростовцев машинально потянул носом – не разит ли от барышни нафталином?

Альбина чуть отвернулась, подавляя улыбку.

– Мы только что купили это милое платьице в магазине на Кузнецком, – объяснила она. – Лика сама выбирала. Ей нравится *ретро*.

Альбина представила их друг другу. Ростовцева приятно удивили мягкие, старомодные манеры новой знакомой. Никаких «таежных» замашек и вульгарных ужимок, никакой грубой, корявой речи. Во взгляде Лики – чистом и пронизательном, которым она изучающе смерила Альберта, – не промелькнуло ни восхищения, ни интереса: обычная вежливость. Это заинтриговало.

«Кого она мне напоминает? – подумал он. – Бывшую балерину, пожалуй. А серьги в ушах, кажется, с природными изумрудами... сделаны как минимум полтора века назад. Никак фамильные драгоценности. Занятно!»

За столиком он подал женщинам меню. Альбина любила традиционную европейскую кухню, а Лика явно растерялась.

– Позвольте вам помочь? – великодушно предложил он. – Последуйте примеру Али и попробуйте ростбиф. Как насчет красного вина?

Себе Ростовцев заказал водки, черной икры, малосолевых огурцов и стейк.

– Китайских блюд здесь не подают, – развел он руками. – Жаль!

– Я бы съела сладкое мясо с пряностями, жаренное на углях, – вдруг сказала Лика. – Мой... отчим увлекался китайской кухней. Любую подстреленную в тайге птицу он пытался приготовить как утку по-пекински. Говорил, что китайцы едят утку в три приема: сначала обжаренную корочку, потом тушеное мясо, а напоследок бульон из костей.

Альбина не могла скрыть удивления.

– Наверное, ты умеешь есть палочками?

– Представьте, да. Аркадий Николаевич сам выстругивал палочки из дерева и учил меня обращаться с ними. Надо же было чем-то развлекаться? Пользоваться палочками довольно просто.

Возникла пауза. Альбина притушила злой блеск в глазах – интерес, с которым Ростовцев слушал эту недотепу, не на шутку взбесил ее. Китайская кухня! Кто бы мог подумать, что они найдут общий язык на почве еды? Быстрее бы официант принес заказ.

Словно вняв ее просьбе, явился молодой человек с подносом, расставил тарелки, открыл бутылку грузинского вина...

– Иди, любезный, – отослал его Альберт. – Я сам буду наливать.

Госпожа Эрман улыбалась через силу, ревниво следила за родственницей: сейчас та опозорится – вряд ли она умеет свободно обращаться с ножом и вилкой. Вопреки ожиданиям, Лика явно не в первый раз держала в руках столовые приборы. Ее движения были изящно непринужденны, легки.

Ростовцев из-под ресниц наблюдал за новой знакомой. Мелодичные колокольчики возвестили, что кто-то хочет поговорить с ним.

– Это мобильный телефон? – спросила Лика. – Можно взглянуть? Какой приятный звук... будто музыкальная шкатулка играет! У меня в детстве была.

«Ловко она прикидывается наивной дурочкой! – злилась Альбина. – Мобильника не видала, что ли? Вот змея! Детство вспомнила. *Оригинальничает!* Строит из себя этакую простушку. Альберт тоже хорош: показывает ей телефон, просто соловьем заливается!»

– Ты не будешь разговаривать? – попыталась она привлечь его внимание. – Кто звонил?

– Какая разница? – отмахнулся Ростовцев. – Не люблю, когда меня беспокоят во время приятной беседы.

Он принялся показывать Лике, как работает телефон, какие кнопочки нажимать, как включать видеокамеру и прочее. Она раздумялась, заулыбалась. Еще бы!

Альбина проклинала тот миг, когда она уступила просьбам родителей и взяла с собой эту «лесную принцессу». Кто же мог подумать, что Ростовцев... Нет! Это невыносимо! Его забавляет такая неприкрытая глупость? Одно платье мадемуазель Лики чего стоит! Вырядилась монашкой, а кокетничает, будто ее только этому и учили.

Ростовцев поймал себя на мысли о *музыкальной шкатулке*. И помрачнел. Отчего-то настроение испортилось, хотя он не подавал виду. Однажды в юности он долго искал по всей Москве красивую музыкальную шкатулку, чтобы подарить ее Юле. Выбрал наконец черную, покрытую лаком и стилизованную под граммофон, – с китайской гравюрой на боку. Уже тогда ему нравилось все восточное. Деньги на подарок копил целый год... а вместо дня рождения пришлось идти на похороны. Он так и не заставил себя подойти к гробу, к открытой могиле, куда опустили Юлю. Наверное, от понимания, что ее здесь больше нет...

Горькое чувство вины пронзило Альберта. Юля, Юля! Он с тех пор ни разу не ходил на кладбище. Зачем? Она осталась в его сердце.

Слова Лики о шкатулке разбудили болезненные воспоминания. Любил ли он Юлю, Ростовцев не знал, но зато он не мог больше полюбить ни одну женщину. Или не позволял себе. Он словно держал клятву, о которой никто не просил его. Откуда же чувство вины? Ведь те отношения, что складывались между ним и любовницами, ублажали его тело, не затрагивая души.

Тягостное ощущение предательства, тем не менее, нарастало. Неужели из-за Альбины? Но и с ней, ничего подобного пережитому с Юлей, не было.

Не в состоянии справиться с тяжестью в груди, Ростовцев резко встал из-за стола. Его не должны видеть угнетенным, подавленным – ни в коем случае.

– Извините, – сказал он. – Пойду, проветрюсь. Сделаю пару звонков.

Женщины молча смотрели, как он направился к выходу: госпожа Эрман с недоумением; Лика с пониманием, – если человек грубо нарушает правила хорошего тона, на то существует веская причина.

– Таковы деловые люди, – постаралась сгладить неприятное впечатление Альбина. – Бизнес превыше всего.

Лика взялась за ростбиф, за разговорами он почти остыл. У ее соседки аппетит пропал. Что он возомнил о себе, этот Альберт? То откровенно ухаживает за деревенщиной, то встает и уходит невесть куда.

– Не расстраивайся, он вернется, – бестактно проявила участие «таежная родственница». – Его что-то огорчило. Ветер и снег благотворно действуют на горячую голову.

Зал ресторана заполнили посетители. Стало шумно, тесно. Подвыпившие мужчины бросали быстрые, жадные взгляды на двух женщин – вернее будет сказать, на Альбину.

– Ты имеешь успех, – улыбнулась Лика без тени зависти.

– Где Ростовцев? – проворчала та, мельком оглядываясь. – Не хочется в одиночку отбиваться от навязчивых кавалеров.

– Я с тобой.

Госпожа Эрман состроила скептическую гримасу. Хотя... пожалуй, «лесная принцесса» права: своим присутствием она кого угодно отпугнет.

Когда элегантные часики Альбины отсчитали больше сорока минут, в проеме входа показалась высокая, ладная фигура Ростовцева. От него веяло свежестью морозного вечера, на лице играла улыбка.

– Еще раз прошу прощения, – приложил он руку к груди. – Непредвиденные обстоятельства! Ужин продолжается.

Он налил дамам вина, себе – большую рюмку водки, выпил залпом, налил еще. Словно горе какое заливал.

«Пьет, как извозчик, – неприязненно отметила Эрман. – Пропадал где-то, теперь водку глушит, не закусывая. На него не похоже».

– Дамы! – спохватился Альберт. – У меня для вас презент. Чуть не забыл! – Он достал из кармана два круглых бархатных футляра, приобретенных перед ужином в ювелирном салоне. – Прошу принять по случаю знакомства.

Первой он вручил футляр Лике, как гостье. Потом с шутивным полупоклоном – Альбине. Она сразу достала драгоценность – крупная подвеска на цепочке – и едва не выдала своего разочарования. Подвеска представляла собой золотой кружок, покрытый эмалью в виде черно-белого символа *инь* и *ян*. Опять китайское! Куда такую штуку наденешь? Разве что на чайную церемонию.

– Какая прелесть, – тихо произнесла Лика, и госпожа Эрман остолбенела, увидев точно такое же украшение в ее руках.

«Что это значит? – мысленно возмутилась она. – Купить мне и этой чумичке одинаковые подвески?»

– У тебя безупречный вкус, дорогой, – пропела Альбина и нежно поцеловала Ростовцева.

– *Тай-Цзы!* – воскликнула Лика. – Великое Единство. Вот эта темная капля сверху – женское начало, а светлая внизу – мужское. Мне отчим объяснял! Символ только кажется двухмерным, на самом деле он отражает сложное, взаимопроникающее устройство мира.

– Что ты говоришь?!

Альбина притворно всплеснула руками, она готова была разорвать нахальную девицу. Вздумала тут философствовать! Прямо дочь китайского императора.

Гостья не уловила подвоха.

– Все идет по кругу, – сказала она. – Что будет, уже было... а что было, то и будет. Это и есть *инь* и *ян*: неуловимый миг неуловимой встречи.

– *Тай-Цзы* символизирует безвременье... или вечность, что по сути одно и то же, – подержал Лику Ростовцев. – Посмотрите в окно, на летящий снег! Это признак зимы, но мы... уже ощущаем весну... иными чувствами. Она присутствует, хотя нет еще ни травинки, и на улице стужа. Так в разгаре жаркого лета незримо присутствует осень: каким-нибудь желтым листком, подхваченным ветром, она обязательно напомнит нам о себе. В неподвижности кроется движение, а в ночи зарождается день. Мы пока не знаем, что произойдет завтра, но затаенная радость или тоска говорят языком нашего будущего.

Они словно состязание в красноречии устроили. Один мысль заканчивал, другой тут же подхватывал. «*Ну и дела!*» – не переставала удивляться госпожа Эрман. И тут «таежная родственница» выдала очередную фразу, от которой вся кровь бросилась в голову столичной львицы.

– Так бывает в любви, – бесстрашно подняла Лика свои нефритовые глаза. – Когда двое, кажется, еще любят друг друга, внутри этой любви уже гнездится разлука. Кто-то один уже привязался сердцем к другому... или к другой. Оба пока не замечают скрытой силы нового чувства, которое зреет в недрах старого. Осень еще горит золотом и рябинами, а зима уже сыплет на это увядание густой белый снег. Даже если новая любовь появилась пока только в мыслях, она уже существует там... Все повторяется! Вам не приходит на ум, что мы уже сидели за этим столом и...

Она замолчала, порозовев от смущения, надела украшение себе на шею. Альбина презрительно скривилась, убрала свою подвеску обратно в футляр.

– Я бы побеседовал с вашим отчимом, – улыбнулся Лике бизнесмен. – С превеликим удовольствием.

– К сожалению, не получится. Аркадий Николаевич исчез.

– То есть... как? – не понял Ростовцев.

– Ушел в тайгу и не вернулся. Такое бывает. Заблудился, или зверь на него напал.

– Не нашли?

– Кому искать? В тех краях подобное не редкость. Кто пропал, – поминай, как звали.

Ростовцев молча кивнул. Он перестал расспрашивать и сменил тему. Альбина расцвела, когда он пригласил ее на танец. Вернувшись за столик, решили заказать сладкое и фрукты. Лика погрузилась, отказалась от десерта.

Тихо журчал фонтан. Мраморная купальщица подставила роскошное, гладкое тело под струйку прозрачной воды, бьющей между камней в гроте. Вода по мягким линиям ее плеч стекала вниз, в розовую чашу-раковину и стояла там, подсвеченная изнутри тусклыми огнями. Лика засмотрелась – печаль сквозила в позе, наклоне головы прекрасной купальщицы... и у нее на сердце грусть, тоска.

– Мне домой хочется, – заявила гостья.

Альберт Юрьевич достал телефон.

– Сейчас водителя вызову: самому за руль нельзя, – выпил много.

– Мы уже уходим? – капризно протянула госпожа Эрман. – Ну-у-у... Алек! Я хочу сладенького! – Она была вызывающе красива в ярко-синем облегающем платье, с высокой грудью и сильными, стройными бедрами, обтянутыми бархатом. Холодно, искусственно красива – ледяная дева.

Ростовцев уже договаривался с водителем. Лику охватило такое нетерпение, что она вскочила и пошла в гардероб за пальто.

– Погодите! – крикнул Ростовцев ей вслед. И предложил Альбине: – Ты подожди, если хочешь. Я отвезу нашу гостью, вернусь, и мы еще посидим.

– Что, шофер один не справится?

– Это невежливо, дорогая.

Разумеется, госпожа Эрман не осталась. Всю дорогу в машине она дулась.

– Я ужасно беспокоюсь о Стефи, – призналась Лика. – Она сегодня с утра приболела – сердце, давление. Вдруг ей плохо стало, а рядом никого?

– Кто такая Стефи?

– Домработница. Вернее, не совсем...

Ростовцев протянул новой знакомой свой мобильный телефон.

– Позвоните ей!

Лика не совсем привыкла к такой штуке, как телефон, и мысль о звонке Стефи не пришла ей в голову.

– Как набирать?

– Просто цифры вашего городского номера, – подсказал Альберт.

Она последовала его совету и услышала длинные гудки... трубку никто не брал. Две следующих попытки закончились тем же.

– Спит, наверное, – предположила Альбина.

Лика побледнела и закусила губу. Не надо было ей оставлять Стефи одну!

* * *

Сыщик обдумывал свой визит к Красновской.

С одной стороны, та явно стремилась помочь, с искренним теплом говорила о новой хозяйке, с другой – принадлежала к касте так называемых «порядочных людей», которые не выдают чужих тайн ни при каких обстоятельствах. Знай она гораздо больше того, что поведала Смирнову, все равно молчала бы. На первых порах. Постепенно Красновская прониклась бы к нему доверием и выложила остальное – он умел обращаться с пожилыми дамами. Так что сыщик особо не переживал: завтра, послезавтра, через неделю, но старушка раскроет свои секреты.

Когда он вышел из дома на Неглинной, на улице падал снег, от утренней оттепели не осталось и следа. Свет фонарей и витрин придавал летящей пелене снега радужные оттенки. Часы Смирнова показывали начало десятого, в сущности, детское время. Красновская сослалась на недомогание – у нее на такую погоду резко разболелась голова – и попросила перенести беседу на завтра. Сыщик не успел задать ей некоторые вопросы.

Вообще Стефания Кондратьевна произвела на него двоякое впечатление. По виду она напоминала даму старой закалки, экономку богатого дома: сухое лицо с морщинами у глаз и губ, седые, аккуратно подстриженные в каре волосы; платье с глухим воротом на некогда статной, но поддавшейся времени фигуре; живые темные глаза за стеклами очков. По характеру же она походила на одинокую, неприкаянную пенсионерку, которая работает на хозяев и ищет в них прежде всего близких, семью, а потом уже источник дохода.

Красновская встретила сыщика любезно и гостеприимно, к его приходу она накрыла к чаю стол в гостиной просторной квартиры. Комнаты были прилично отремонтированы, обставлены в классическом стиле, мебелью из ценных пород дерева, без бросающейся в глаза роскоши, зато добротно и удобно. С высоких потолков свисали хрустальные люстры, со стен взирали из старинных рам молодые всадницы и блестящие красавицы в шелковых платьях в духе Брюллова.

– Это копии, – пояснила Стефи. – Но очень хорошие. Аркадий Николаевич разрешил мне сделать ремонт и купить мебель по своему вкусу.

– Как вы с ним познакомились? – спросил Смирнов.

Он осторожно, стараясь не раздавить тонкий фарфор, поднес к губам чашку. Аромат и цвет чая оказались превосходными.

– Я у прежних хозяев служила, они дали мне прекрасную рекомендацию. Господин Селезнев предложил остаться, когда приобрел квартиру, – мне выбирать не приходилось. Я уж привыкла здесь – поди, лет двадцать на одном месте. Ближайшие магазины, аптеки, прачечные изучила, как свои пять пальцев. Куда на старости лет срываться? И условия хорошие: жить,

присматривать за квартирой, пока хозяева не приедут, совсем нетрудно. Жалованье Аркадий Николаевич мне назначил большое, выплатил наперед, да еще много денег дал за то, чтобы я в будущем оформила дарственную на него самого или члена его семьи. Деньгами-то я по-своему распорядилась.

– Как же, если не секрет?

– Продала свою комнату в коммуналке, добавила некоторую сумму и приобрела отдельное жилье в Перово. Сдаю внаем. Теперь, как мы и договаривались, эту-то квартиру я Лике «подарила», а та моя будет. Если Лика замуж надумает выходить или просто надоем ей, перееду туда.

– Вы с Ликой ладите? Споров, разногласий не возникает? – поинтересовался Всеслав.

– Какие споры? Это ж ангел светлый, а не девушка! – воздела руки к лепному потолку Красновская. – Мы с ней обе одиноки, как два тополя на Плющихе. У меня была семья – муж, сын, как положено, – потом супруг мой заболел, слег и приказал долго жить, а сын за границу уехал, насовсем. Присылает мне по две открытки в год – на Рождество и на день рождения. Но... я на сына не обижаюсь. Слава богу, он свою жизнь устроил, в моей помощи не нуждается. А то ведь кого ни слушаешь, у всех дети выросли, выучились, только на ноги никак не встанут: просят и просят у стариков их последние копейки!

Она говорила громче обычного, поскольку была глуховата. Так же громко вынужден был задавать вопросы сыщик.

– Какого вы мнения о господине Селезневе?

– Мы с ним виделись семь лет назад, разговаривали по поводу квартиры, заключили соглашение, он мне заплатил на годы вперед, не поскупился, – терпеливо повторила Красновская. – Этого достаточно, чтобы я составила о нем мнение. Я хорошо разбираюсь в людях! По Аркадию Николаевичу сразу было видно – солидный человек. Ведь он мне на слово поверил, никаких бумаг не заставил подписывать, ничего. Жаль, если он погиб! А надежду терять нельзя, в тайге всякое случается: бывает, люди, которых считали мертвыми, спустя год-полтора возвращаются.

– Что вы можете сказать о прежних хозяевах?

– Славные старики, не придирчивые, покладистые, только больные очень. Они к детям уехали, в Америку. Меня тоже сын звал в Гамбург, но я отказалась. Чужбина есть чужбина! В семьдесят один год пора о душе думать, а не о чужих странах.

«На вид ей можно дать на десять лет меньше, – отметил сыщик. – Неплохо сохранилась».

– На ваш взгляд, предыдущие владельцы квартиры знали господина Селезнева?

Стефания Кондратьевна отрицательно покачала головой.

– Н-нет... думаю, они не были знакомы. Купля-продажа, кажется, состоялась по объявлению. А... какое это имеет отношение к отцу Лики? – удивилась пожилая дама. – Она сказала, вы его будете искать. Правильно! Ей родной человек рядом нужен.

– Да, – подтвердил Всеслав. – Я ищу ее отца. И любой факт может натолкнуть меня на след. – Он обвел взглядом книжные шкафы, набитые книгами. – Вы библиотеку собирали?

– Частично. В основном, книги куплены новой хозяйкой, читает целыми днями. Она же не работает, телевизор ей не по вкусу пришелся, вот и глотает книгу за книгой. Я, говорит, жизнь изучаю! Разве жизни-то по книгам научишься?

Смирнов понимал, что беседа с Красновской скользит по поверхности, не проникая в глубь странной и во многом темной истории Лики. Может, домработница действительно никаких дополнительных подробностей не знает? Иначе сама Лика у нее все выудила бы. Или они заодно?

– Опишите, пожалуйста, Аркадия Николаевича, – попросил он. – Что-то бросилось вам в глаза? Какие-нибудь запоминающиеся детали поведения, внешности?

– Интересный мужчина, видный... с усами, с бородкой. При деньгах. Щедрый, вежливый... не знаю, право, что еще добавить. Годы прошли, молодой человек! А я близорука, без очков в двух шагах соседку не узнаю, не здороваюсь. Она уже не обижается, привыкла.

Больше Стефания Кондратьевна ничего существенного не припомнила, как ни старалась.

– Вас не насторожило, что человек покупает квартиру, оформляет на вас, никакой расписки не берет, платит вперед за ваши услуги, а сам уезжает?

– Почему меня должно было это насторожить? – искренне недоумевала пожилая дама. – У людей судьбы по-разному складываются, разные причины возникают для самых невероятных поступков. Какое мое дело? Я не привыкла в чужую жизнь нос совать. Просто господин Селезнев сразу проникся ко мне доверием: порядочные люди друг друга чувствуют. А что вы все о нем спрашиваете?

– В некотором роде я профессиональный любопытный, – рассмеялся Смирнов. – Кстати, вам правда кто-то на улице отрезал прядь волос?

Красновская неожиданно разволновалась.

– Ой! – схватилась она за голову. – Давление подскочило! В груди давит... сердце... надо принять таблетку. Дайте воды.

Пока сыщик бегал на кухню за водой, домработница чуть отошла.

– Хулиганья развелось, спасу нет, – слабым голосом пожаловалась она. – Я вечером из аптеки шла, а он подскочил и... чик! Толком-то не сообразишь, что случилось. Безобразие. Хорошо, волосы обрехал, а не сумочку. Бандитизм процветает! Раньше такого в помине не было.

Сыщик горячо ее поддержал. Потом спросил:

– Вы сказали «он». Успели кого-то заметить?

– Да где мне заметить? – с видом умирающей простионала Красновская. – Снег лепит, темнотища. Он! Кто же еще? Хулиган!

Смирнов вернулся к вопросу о Селезневе:

– В течение этих семи лет Аркадий Николаевич связывался с вами? Писал, звонил?

– Нет, – покачала головой домработница. – Он не обещал. Оставил распоряжения и уехал, велел ждать. Я, грешным делом, думала, уж не упокоился ли он с миром? А тут Лика приехала, мне на радость! Господи, хоть бы мне пожить немножко... помочь девочке в Москве освоиться, жениха хорошего найти. Здоровье у меня совсем плохое стало, без таблеток дня не бывает.

Всеслав понял – пора уходить. Сегодня Красновская уже ничего не скажет, лучше попытаться счастья в другой раз.

Он ехал домой, перебирая в памяти разговор, отыскивая в нем намеки на истинную подоплеку дела. Но не преуспел в этом.

ГЛАВА 7

В офисе строительной фирмы «Кречет» царило напряжение. Хозяин, господин Треусов, стал сам не свой – нервный, дерганый. Его здорово допекала бывшая супруга.

Секретарша Оля заглянула в кабинет шефа. Тот даже головы не поднял, – уткнулся в бумаги.

– Павел Андреевич, – понизив голос, окликнула она. – Ваша жена звонит. Что ей сказать?

– Я занят! – рявкнул Треусов. Его лысеющий лоб побагровел.

– Она уже третий раз звонит.

– Да хоть десятый! Нет меня! В командировку уехал! И жены у меня нет, зарубите это себе на носу!

– Хорошо.

Секретарша тихо прикрыла дверь и вернулась на свое рабочее место.

– Его нет, уехал на объект, – подчеркнуто вежливо произнесла она в телефонную трубку.

Бывшая супруга Треусова разразилась возмущенной тирадой. Оля слушала, не перебивала, – со Стеллой шутки плохи: лучше не нарываться.

Та выпустила пар, успокоилась, сказала с угрозой: «Ничего, приедет!» И положила трубку. Секретарша вздохнула с облегчением. Просто счастье, что Павел Андреевич развелся с этой стервой! От нее житья не было, в том числе и сотрудникам фирмы.

Припудрив носик, Оля занялась текущей работой. В ее легкомысленной головке витало предвкушение сегодняшнего свидания. Не удивительно, что из-под ее пальчиков, порхающих по клавиатуре компьютера, то и дело выскакивали ошибки.

Звонки Стеллы действовали на Треусова, как красная тряпка на быка. Сколько будет продолжаться этот «семейный» шантаж?! Чтобы он еще когда-нибудь добровольно надел это ярмо? Да ни за что в жизни! Ни за какие блага!

Отдуваясь и промокая платком вспотевший лоб, Павел Андреевич отодвинул бумаги, встал и подошел к окну – созерцание медленно плывущих в воздухе снежинок снимало напряжение. Март кончается, а тепла не видать... может, и к лучшему. Летом Стелла начнет надоедать с отдыхом на море. «Мальчику нужны соленые ванны! – мысленно передразнил ее бывший муж. – Мальчик нуждается в мужской руке! Ты совершенно не заботишься о ребенке! Разве не ты хотел сына?»

– Тьфу! – громко сплюнул он. – Вот же зараза!

Самое неприятное заключалось в том, что Стелла была права: он в самом деле хотел иметь сына, который станет его помощником, единомышленником; которому он сможет передать свой бизнес. А что получилось? Растет тощий, сутулый недоумок, лентяй и неумеха, подпевающий своей маменьке! Способностей ни на грош, зато наглости у обоих хоть отбавляй.

Павел Андреевич скрипнул зубами. Если бы вернуть незабвенную пору молодости, он бы обошел Стеллу десятой дорогой! Но... что сделано, то сделано.

– Хоть бы ее черти забрали! – в сердцах воскликнул он. – Вместе с ее отпрыском. Может, вовсе не я его отец! У Стеллы была бурная юность, а женщины никогда не меняются. Потом она остепенилась, подыскивая себе подходящую партию. Я идиот, что попался на ее удочку!

В молодости Треусов увлекался туристическими походами, и каждое лето проводил с рюкзаком, на природе. Разбивал палатку на какой-нибудь живописной поляне, где вечерами собирались у костра такие же любители путешествовать, пели песни под гитару, варили суп или уху, делились впечатлениями и опытом выживания в лесу, в горах. В одном из таких походов он познакомился со Стеллой.

Треусов вспомнил, как первый раз увидел ее, – высокую, гибкую, с копной белокурых волос, с желтыми кошачьими глазами. Всю ее шелковистую, нежную кожу покрывали золотые

веснушки. Она так возбуждала его! Свою худобу Стелла выставляла напоказ, как залог того, что она никогда не станет расплывшейся толстой коровой. И это обещание оправдалось! Даже после родов она не округлилась, как большинство женщин, не расплнела. Наоборот, ее щеки ввалились, глаза запали, а маленькая грудь будто присохла к ребрам. Стелла отнюдь не страдала плохим аппетитом – ела за двоих, любила выпить вина, пива, обожала сдобные пирожки и торты с заварным кремом, – но пища не шла ей впрок.

Павел Андреевич, у которого наметилось брюшко, сначала немного завидовал жене. Разве он мог представить себе, как она высохнет, как сморщится, съжится ее бело-золотистая кожа, а волосы от осветления и завивки станут похожи на паклю? И в сорок лет Стелле будут давать шестьдесят?

– Чисто мумия! – всплескивала руками мать Треусова, отзывала сына в сторону, шептала на ухо: – Может, она больна чем-нибудь, Пашенька? Вы с врачами посоветуйтесь.

Вопреки опасениям окружающих, на здоровье Стелла не жаловалась. Медики ничего серьезного у нее не находили и ссылались на генетическую предрасположенность. Между тем, жена Треусова все усыхала, тогда как он поправлялся.

– Ты вампир! – брызгая слюной, вопила Стелла. – Ты питаешься нашей с Олежкой энергией!

Павел Андреевич перешел спать в кабинет, а со временем обзавелся любовницей. Супруга пыталась вернуть его в лоно семьи и в свою спальню, но Треусов и слышать об этом не желал.

– Я подам на развод и отсужу у тебя имущество! – пугала она. – Останешься гол как сокол!

Не желая давать ей в руки аргументы для развода и раздела нажитого добра, Павел Андреевич вынужден был тщательно скрывать связь с Леной Журбиной.

Отчаявшись взять верх над упрямым мужем, Стелла подала-таки на развод, наняла ловкого пройдоху-адвоката и начала таскать Треусова по судам. Тяжбы длились третий год, и бывший супруг так и не почувствовал вкуса свободы. Он словно и не разводился со Стеллой – она продолжала устраивать ему истерики, канючить, требовать от него внимания, денег, трепать ему нервы, ныть, взывать к его совести и страшать «неотвратимым возмездием».

– Ты будешь гореть в аду, Треусов! – замогильным голосом пророчила Стелла. – Сын тебя не простит! Ты предал нас, предал нашу семью. Не люди, так бог тебя накажет.

Надо ли удивляться, что Павел Андреевич теперь и не помышлял о женитьбе?

Лена Журбина ничем не походила на бывшую жену Треусова, но она тоже была женщиной. Где гарантии, что при определенных обстоятельствах она не поведет себя таким же образом?

– Я сыт семейной жизнью по горло, – вздыхал Павел Андреевич, когда Лена заводила разговор об их будущем. – Уволь, пожалуйста! Что тебя не устаивает в наших отношениях? Ты свободна, я тоже. Наш союз основан не на узах брака, а на взаимной симпатии, что гораздо прочнее.

Лена плакала, Треусов сразу вспоминал Стеллу, мрачнел, замолкал и дулся несколько дней. Потом все возвращалось в привычную колею.

– Я хочу родить ребенка, – ныла любовница. – Хочу, как все женщины, быть матерью.

– У меня уже есть сынуля Олечек! – приходил в ярость Треусов. – Больше такого счастья не надо. Хватит!

Лена отступала, но не сдавалась.

– Почему ты мне не доверишь? – обижалась она. – Я для тебя на все готова.

– Тогда оставь меня в покое с ребенком и женитьбой. К чему эти формальности? Деньги я тебе даю, мы проводим вместе праздники, иногда выходные.

– Я хочу быть с тобой!

Треусов терял терпение, выходил из себя. Лучше бы он делил постель с девочкой по вызову: удовольствие то же, а хлопот никаких. Увы, пользоваться услугами девиц легкого поведения он не мог – брезговал. Боялся подхватить дурную болезнь, или, не дай бог, смертоносный вирус. Приходилось сносить капризы и неуместные претензии Лены.

– Твоя подружка Альбина еще не женила на себе господина Ростовцева? – с ехидной усмешкой спрашивал он. – То-то! Ростовцев – скользкий тип, всегда выходит сухим из воды. Небось не торопится надеть на пальчик своей пассии обручальное кольцо. Почему, кстати? Альбина – красавица, умница и при бизнесе. Не то что моя бывшая! Только и умеет, что сплетничать да пакостить.

– Что ж ты раньше не смотрел?

– Дурак был.

На этом, обычно, перебранка стихала, и каждый оставался при своем мнении.

Честно говоря, Лена считала, что брак с Треусовым – ее последний шанс выйти замуж. О любви речь не шла, – вероятно, Павел подспудно чувствовал это. Ну и что? Многие женятся по расчету и живут припеваючи. Любовь хороша в книгах, в театре и кино, а жизнь – не театр. Здесь пьеса пишется сразу набело, репетиций не бывает: все по-настоящему! И суфлер из будки не выглядывает, подсказок не дает, что дальше говорить, как действовать. Самому надо принимать решения, быть и автором, и режиссером, и актером, и гримером.

Лена привыкла к Павлу Андреевичу. До Ростовцева ему, конечно, далеко, но и она – не Альбина Эрман. Работает менеджером по продажам в крупной парфюмерной фирме, о своем деле и не мечтает. Ей и в тихой гавани хорошо. А чтобы выйти в открытое море, предприимчивость нужна, смекалка, храбрость, и своего рода талант.

– Открывай частный магазин, – предлагал Треусов. – Я помогу на первых порах.

– Боюсь я, – отказывалась Лена. – Духу не хватит. При фирме спокойнее.

Она ничего не собиралась менять в своей жизни, кроме семейного положения. А Треусов упирался.

«Альбине тоже не просто, – утешала себя Журбина. – Ростовцев неохотно расстается с холостяцкими привычками, со статусом свободного мужчины. Пока что ей не удалось убедить господина фабриканта, что семейные узы слаще меда. Ну, она баба настойчивая, своего добьется! А я? Мне как быть?»

Лена все чаще стала разглядывать себя в зеркале, подмечала морщинки, отяжелевший подбородок, складки на шее. Годы! Годы... Они не красят. Почему наступает время, когда жизнь начинает казаться бессмысленной? Молодость, свежесть вянет, и это нельзя остановить. Замедлить, – пожалуй, да. Но остановить...

Вот у Альбины родственница объявилась из глубинки, «лесная отшельница». Бывает же, что люди живут в глуши, в заброшенности! У них какое-то совершенно иное, отличное от городского, непонятное и убогое бытие. Чем оно наполнено? Молчанием небес, молчанием угрюмого, векового леса. Хотя... разве город не тот же лес, только каменный? По большому счету, человек везде одинок.

Нелегкие мысли особенно одолевали Лену ночами, когда она лежала без сна, пытаясь оправдать свои желания и поступки. У нее не было никого ближе и роднее Альбины: они такие одинаковые, словно сестры. Но для полноты жизни им обоим чего-то не хватает.

В окна стучала снежная крупа, внизу, в закоулках двора бесновался в тесноте ветер. Зима всеми силами противилась приходу весны, но сама эта ночная, скрытая под покровом темноты лютость, выдавала ее страх: юная, напористая соперница стоит на пороге; стучат днем, на солнце, ее капли; от ее теплого дыхания предательски тают снега, – она уже здесь...

* * *

Присутствие непроявленного...

Так можно назвать ощущение необъяснимой радости, когда для нее нет никакого видимого повода, или предчувствие беды, когда ничто, кажется, ее не предвещает.

Ли́ка не хотела себе признаваться, *что* лишает ее покоя, – страшные мысли, которые она гнала от себя. Они начали одолевать ее еще в ресторане, когда мирное журчание фонтана отчего-то действовало на нервы, еда казалась безвкусной, а лицо Альбины вдруг стало враждебным. Она улыбалась, рассыпалась в любезностях, но нельзя было не почувствовать исходящую от нее острую неприязнь, граничащую с ненавистью.

«Почему она так смотрит на меня? – думала Ли́ка. – Словно хочет выжечь на моем лице клеймо позора. Что я ей сделала? И зачем она пригласила меня сюда, в это красивое место, в общество этого мужчины, в которого она, по-видимому, влюблена?»

Ли́ка мало общалась с людьми, но зато прочитала множество книг, – она предавалась чтению со страстью, заменяющей живые впечатления. Она оказалась способна слишком хорошо, достоверно воспроизводить в своем воображении все, что желал выразить автор. И теперь она с легкостью *читала* саму жизнь – истинные эмоции Альбины, прикрытые фальшивой улыбкой, лежали как на ладони.

Но ни Альбина, ни ее спутник не волновали Ли́ку в той степени, как волновала ее Стефи. Вернее, то, что может с ней произойти, пока они сидят в этом роскошном золотистом зале в огнях, беседуют, едят, пьют вино.

По дороге домой, в машине Ростовцева, беспокойство росло и стало совсем уж невыносимым, когда он вышел первым, галантно распахнул дверцу и, обдав ее запахом мужской парфюмерии и водки, подал руку, – помог выйти. Ночной мрак ударил в лицо колючим снегом. Ли́ка была так возбуждена, что не почувствовала холода.

– Я провожу нашу гостью до квартиры, – склонился к Альбине Ростовцев. – Пару минут. За эти несколько шагов до подъезда Ли́ку скрутил приступ тошноты.

– Не надо, – попыталась отказаться она. – Идите к машине. Я сама.

Ростовцев будто не слышал, открыл перед ней тяжелую дверь парадного, вошел следом. Их гулкие шаги в тишине отдавались в висках Ли́ки острой болью. Отдаленно, словно из мутной пелены, прозвучал голос Ростовцева. Кажется, он предложил воспользоваться лифтом.

Она, сжав зубы, покачала головой. Нет! Подумала: «Только бы не стошнило прямо здесь, на лестнице».

«Кто из нас пьян? – удивился Альберт Юрьевич, крепко беря ее под руку. – Дама явно перебрала в мое отсутствие».

Они поднимались по лестнице вверх, и странное ощущение *дежавю* не покидало Ростовцева. Когда он мог побывать здесь, в этом старом московском доме? Голова его слегка кружилась от выпитого в ресторане... и казалось, что он уже видел эту широкую пологую лестницу, какие теперь редкость, и эту прямую фигурку молодой женщины в темном пальто, с тающим на волосах снегом. Она ступала чуть впереди, не оглядываясь. Что-то мистическое было в отзвуках их шагов, в молчании этого подъезда, истертости лестниц, дрожании желтого света на стенах...

– Ну, вот моя дверь, – едва слышно произнесла Ли́ка, отстраняясь от него. – Благодарю вас. Можете идти.

Она отпускала его, как владычица отпускает своего верного слугу, когда в нем больше нет нужды. Ростовцев спрятал улыбку.

– Вы справитесь с замком?

Он смотрел, как Ли́ка дрожащей рукой достает ключи, как по ее щекам расплывается бледность.

– Постараюсь, – полуобернулась она. – Да идите же!

Она не сразу открыла, но как только замок поддался, скользнула внутрь и захлопнула дверь у провожатого перед носом. Ростовцев недоуменно пожал плечами.

– Сделаем скидку на ее дикость, – пробормотал он, сбегая вниз.

Опять в памяти возник образ Юли. Что у них с Ликой общего? Пожалуй... некая изысканная тонкость в чертах, в жестах, в наклоне головы. Неуловимое качество, которым наделяет природа, – подобно редкому оттенку цветка или заката, изяществу линий, проведенных рукой мастера...

Альберт давно смирился с мыслью, что он *отлюбил навсегда*. Возможно, если бы жизнь Юли не оборвалась так трагически нелепо, так пошло и... непоправимо, он бы переболел и успокоился. На его сердце не кровоточила бы такая глубокая зарубка. Эта рана не убила его, но и жить в полную силу он не мог. Возможно, развиваясь, их с Юлей отношения достигли бы своего пика и пошли на убыль. Возможно, обожание сменилось бы разочарованием, а страсть – привычкой. Много разных возможностей отобрала у него судьба...

– Я уже никогда не узнаю этого, – прошептал Ростовцев.

Он вышел во двор, фары «мерседеса» освещали густое кружение снежинок.

– Гони! – усевшись рядом с Альбиной, приказал шоферу.

– Что-то случилось?

Он едва сдержался, чтобы не нагругить, – негоже ссориться с будущей женой.

– На тебе лица нет, – не унималась она.

– В самом деле? Куда же это оно подевалось? Давай вернемся, поищем!

Альбина, обиженная его резкостью, замолчала.

Ростовцев устался в окно, в мелькание снега и мутных огней. Его душа была еще скована зимним льдом, а на самом доньшке ее, там, где все пребывало в мертвенном оцепенении, уже зарождалось дыхание весны... Словно испугавшись этого смутного, затаенного движения, он мысленно, как заклинание, повторял: «Я женюсь на Альбине. Женюсь на Альбине. Женюсь...»

Тем временем Лика, преодолевая приступ дурноты, стояла в красноватом сумраке прихожей. В глазах рябило, руки и ноги дрожали. Маленький светильник под потолком почти не рассеивал темноту.

– Что со мной? – одними губами вымолвила она.

Сердце часто, судорожно билось в груди, в висках; сознание меркло. Ужас, невесть откуда взявшийся, покрывал тело мурашками озноба. Лика с трудом сделала глубокий вдох.

Несколько шагов отняли у нее последние силы, и когда ноги наткнулись на что-то мягкое, шелковистое, сердце подпрыгнуло и остановилось. Еще не видя, Лика уже поняла: на полу лежит мертвое тело... Вместо крика из горла вырвался сдавленный хрип, ноги подкосились, и она мягко, легко осела, опустилась на пушистый бордовый ворс ковра...

Лика с детства отличалась необыкновенной чувствительностью. Накануне ненастья или беды ее настроение портилось, она ощущала то лихорадочное возбуждение, то головную боль и вялость. Однажды на хутор забрел медведь-шатун, девочка вскочила посреди ночи, разбудила всех своим плачем. А когда десять лет назад заболела мать, Лика сразу поняла, что это конец – больше она не встанет.

Последний уход Аркадия в тайгу вызвал у нее тяжелую бессонницу. Приходилось заваривать целебные травы, пить, чтобы не сойти с ума. Откуда у нее появился этот страх перед безумием? От слов матери... та не раз упоминала о бабушке, о ее внезапной и странной смерти. По обрывкам разговоров между матерью и отчимом, она догадывалась, что история вышла темная, непростая.

То ли годы, проведенные среди леса и его обитателей, обостряют чутье человека, то ли такова была природная склонность Лики, но она могла доверять своим предчувствиям. Они ее не обманули и в этот раз.

Видения прошлого пронесли в ее затухающем сознании, встряхнули и вырвали из цепких лап дурноты, вынесли в настоящее, в красный полумрак прихожей, заставили вздохнуть, встрепенуться... В первый миг Лика не сообразила, где она, как очутилась здесь на ковре... рядом с кем-то седоволосым, в вишневом шелковом халате...

«Стефи! – молнией вспыхнула мысль. – Она в обмороке?»

Лика не хотела признаваться себе в том, что видят глаза. Мертвое лицо имеет особое выражение отрешенности, чуждости этому миру, ту твердость и окостенелость, которые ни с чем не спутаешь. Она помнила лицо покойной матери, сразу ставшее маской – застылой, незнакомой.

Как во сне, Лика склонилась над телом Стефании... оно лежало навзничь, неловко раскинув руки и ноги, будто кто-то сильно, с размаху толкнул пожилую женщину назад, и она упала, ударилась головой об пол. На темном от синевы лице лежала гримаса ужаса и боли. Крови не было, открытой раны нет. Ковер должен был смягчить удар... Эти мысли промелькнули в уме Лики, как мелькают на экране кадры жуткого фильма. Она боялась думать, что случилось непоправимое.

Обливаясь слезами, Лика набрала номер «Скорой помощи». Ей уже не раз приходилось это делать – в последнее время у домработницы участились приступы гипертонии, сердце прихватывало. Наверное, Стефи хотела выбежать из квартиры, позвать на помощь соседку... не успела. «А ты сидела в ресторане, развлекалась, любезничала с чужим мужчиной! – корила себя Лика. – Бросила ее одну! Хотя... собирался прийти господин Смирнов. Может быть, из-за разговора с сыщиком Стефи так разволновалась, что ей стало плохо? А дома никого не оказалось? И она упала и лежала... совершенно одна, в полутемной прихожей, на полу! Господи! Какой ужас! Но почему у нее такое синее, перекошенное лицо?»

От осознания своей вины Лика заплакала навзрыд. Она не плакала так, даже когда они с Аркадием хоронили маму. Теперь, если Стефи не очнется, Лике не с кем будет поговорить, посоветоваться, не на кого будет рассчитывать в этом чужом, холодном городе.

Бригада медиков застала ее в слезах и полной прострации. Они засуетились возле расprostертого на полу тела Красновской, констатировали ее смерть от инфаркта.

– Лицо синюшное, – равнодушно произнес кто-то из них. – Типичная картина. И нитроглицерин в кармане халата. Не успела достать.

В морг покойную забирать не стали. Зачем? Болела она давно, об этом знали не только соседи, но и участковый врач, и сами работники «Скорой» – не раз приезжали они в эту квартиру, сбивали давление, снимали сердечные приступы. Красновская наотрез отказывалась ложиться в больницу. «Сколько мне богом отмерено, буду доживать дома, а не на больничной койке», – говорила она.

Врачи о чем-то перемолвились между собой и собрались уезжать. Здесь им больше делать было нечего.

– Зачем вы кардиологическую бригаду вызывали? Она же мертвая уже.

– Я думала... думала... вдруг она еще... – бессвязно шептала Лика.

– Хватит тебе, Тося! – оборвал ворчание медсестры молодой доктор. – Не видишь, что ли? У девушки горе!

Медики уехали, оставив успокоительные таблетки.

– Выпейте обязательно, – посоветовал Лике доктор. – Соседку позовите, чтобы посидела с вами до утра. Не боязно одной-то будет?

Лика только кивала... Когда пришла в себя, позвонила Смирнову, сказала, всхлипывая:

– Стефи умерла. Это дракон... Приезжайте!

ГЛАВА 8

Человек сидел в кресле, погрузившись в глубокий транс... на том уровне, куда он входил в такие мгновения, Высшее Непознанное давало ему странные ответы.

Кто сказал, что *оборотней* не существует?

Оборотень – от слова «обернуться», превратиться в кого-нибудь или во что-нибудь, стать *иным*, перейти в другое состояние. Подобные вещи происходят сплошь и рядом, только никто не обращает на это внимания. Милая девушка превращается в сварливую злюку-жену, славный голубоглазый малыш вырастает бандитом, безобидная на вид старушка оказывается содержательницей притона, а благообразный, воспитанный мужчина – заботливый отец семейства – маньяком. Вальяжный начальник солидной фирмы развращает малолетних, прилично одетый любезный молодой человек разрезает в метро или троллейбусе сумочки неосторожных дам и вытаскивает оттуда кошельки, верный друг совершает предательство, а заклятый враг неожиданно протягивает руку помощи. Бытие соткано из противоречий, которые не сразу разглядишь.

Везде и всюду происходит непрерывный процесс превращений: снега – в талую воду, цветов – в плоды, юности – в старость, красоты – в уродство, ненависти – в любовь, бедности – в богатство, добра – в зло, и наоборот. Перевертыши мелькают вокруг нас, завораживая быстротой и пестрой сменой красок. Кто сказал, что это плохо?

Примерно так рассуждал бы тот, у кого нет предрассудков, – свободный житель свободного мира, в котором давным-давно открыт ящик Пандоры. Эта любопытная женщина сделала человечество заложником своего неумного любопытства! Боги дали ей сундук, наполненный горем и бедами, вовсе не для того, чтобы Пандора сунула в него нос... зря они доверились женщине.

Боги совершили ошибку, а расплачиваются за нее люди. Разве это справедливо?

Примерно так рассуждал бы тот, кто осмелился взять на себя роль стороннего судьи. Впрочем, смелость – это не очень распространенный недостаток. Скорее редкий.

Тот, кто решил проложить себе путь сквозь джунгли человеческих поступков и замыслов, должен обладать не абы какой мощью. Если чаща настолько густа, что не дает пробираться вперед, – нужно расчищать дорогу большим ножом для рубки тростника. Неважно, что под этим подразумевается. Если проход слишком узок, следует изловчиться, проскользнуть змеей. О, какое наслаждение приносит каждый шаг по непроходимому лесу! Непроходимому для простаков...

Зачем человеку ум, как не для того, чтобы использовать его по назначению? Кто не ленится думать, выходит из джунглей победителем. Главное – не дать обделить себя благами этого мира. Кто сказал, что судьбами распоряжается небо? Если что-то идет неправильно, глупец опускает руки, а умный исправляет оплошность. Свою или чужую... какая разница?

Кто осмелится провести четкую линию между добром и злом? Кто возьмет на себя непосильное бремя перста указующего на праведное и неправедное? То, что неравно поделено, придется делить заново. А то, что принадлежит другим не по праву, и вовсе отобрать. Нет... это не революционные идеи! Это убеждения личности, не желающей покоряться обстоятельствам и чужой враждебной воле.

Если в тебе вдруг проснулся *Дракон* – покорись ему! Он приходит тайными тропами, ими же уходит. Бороться с ним бессмысленно. Он движется сквозь границы и время. Дитя первозданного Хаоса, он наивен в своем могуществе. *Дракон всегда возвращается!* Ибо его колыбель – *бесконечность*.

Кто-то вдруг возомнил себя хозяином жизни! С какой стати? Почему кто-то решает, чему быть, а чему не быть? Каким образом человек присваивает себе эту привилегию – распоря-

жаться чьим-то благом, счастьем, деньгами, наконец? Разве здесь, на земле, среди смертных, есть хоть один, который сможет унести с собой частичку собственности – машину, например, дом или счет в банке? Ничего подобного! Даже короли умирают нищими. Сколько бы золота ни положили верные подданные в их роскошные гробницы, *воспользоваться* самой маленькой золотой монеткой бывшим владыкам не под силу. Груда богатств будет лежать мертвым грузом при мертвом «хозяине». Ибо мнимый властитель не в состоянии распорядиться ни одной крохой накопленного.

Все люди приходят в этот мир, проживают положенный им срок, и уходят с пустыми руками. Потому что мир не принадлежит им! Здесь правит бал невидимый, всемогущий Царь, у которого без счета имен и ликов, – изменчивый и неуловимый. Он может шепнуть тому, кто ему приглянулся: «Бери все, что пожелаешь!» – осыпать милостями и одарить щедро. Главное – услышать этот затаенный шепот, блуждающий среди звезд. Главное – решиться и заявить о своих правах! Только трус может испугаться и выпустить счастье из рук. Только ничтожный может отступить в страхе.

Дракон всегда стремится к власти над миром. Воплощающий ужас, он одновременно и носитель бессмертия. Он то свиреп, то спокоен, – но всегда, в любых инстанциях неподвластен человеку. Дракон – это вызов непознанного, брошенный людям.

* * *

Ева уже спала, когда Славка сидел в кабинете за компьютером, искал кое-какие данные. Утром он попросил бывшего сослуживца, майора милиции, навести справки по Амурской области в районе Талды и Ушума о некоем Аркадии Селезневе и Екатерине Ермолаевой. Не проходили они по сводкам, не привлекались ли, не разыскивались?

– Тебе какой давности информация нужна? – уточнил майор.

– Ну... примерно лет двадцати пяти назад.

Майор долго смеялся. С трудом успокоившись, он пообещал сделать все возможное.

– Я не шучу, – рассердился Смирнов.

– А я, грешным делом, подумал, не выпил ли ты лишнего на ночь-то? Кто станет ради тебя рыться по архивам? Да и в каком состоянии эти архивы?

– Что, нет никакой надежды?

– Если повезет и эти фамилии окажутся у кого-нибудь на слуху или застрянут по какой-то причине в памяти, можно будет хлопать в ладоши. Обещать не могу. Попробую. У меня в Благовещенске двоюродный служит, попрошу его разузнать.

Всеслав огорчаться не спешил, поехал домой рыться в своей картотеке. Правда, ничего утешительного не обнаружил. Вернее, не обнаружил вообще ничего.

Целый день он размышлял, встретился с двумя осведомителями, но опять впустую. Вечером, после разговора с Красновской, он снова углубился в картотеку. Звонок телефона заставил его вскочить и поспешно прикрыть дверь.

– Еву разбудят, черти, – пробормотал он, взял трубку и услышал прерывающийся голос мадемуазель Лики.

Извести о смерти Стефании Кондратьевны прозвучало громом среди ясного неба.

– Как, умерла? – переспросил сыщик, но Лика уже бросила трубку.

Он не стал перезванивать, пошел одеваться. Лучше осмотреть все на месте, там же и задать необходимые вопросы.

Улицы ночного города были безлюдны, мела метель. Большой циферблат на витрине часового магазина показывал половину первого. «Вызвала она милицию или нет? – думал Смирнов, забирая со стоянки машину. – Дождись меня, милая девушка! Не спеши». Сонный охранник хлопал глазами, зевал.

– На ночную охоту? – понимающе ухмыльнулся он.

В час «мазда» Смирнова притормозила у дома на Неглинной. Не выходя из машины, он окинул взглядом двор: темно, пустынно, одиноко светились несколько окон. Ветер со свистом влетал в проемы между домами, гремел жестяными трубами.

Сыщик вбежал в подъезд и уже через минуту коротко, осторожно позвонил в дверь. Нежелательно, чтобы его здесь кто-то увидел. Лица открыла сразу, точно стояла наготове и ждала.

– Мне так страшно, – прошептала она, падая ему на грудь. – Так страшно!

«Где труп?» – чуть не спросил Всеслав. Вовремя остановился – заметил лежащее на полу тело. В прихожей стоял красноватый сумрак: единственный светильник под потолком был скорее украшением, чем источником света. Пахло лекарствами.

– Врачи были?

– Да, да... – кивала Лица. – Когда они приехали, Стефи уже... она уже... Я застала ее мертвой. У нее такое лицо... будто она столкнулась с чудовищем, – синее, искаженное до неузнаваемости.

– Причину смерти определили?

– Сказали, обширный инфаркт.

Лица заплакала, вздрагивая и всхлипывая.

– Минуточку. – Сыщик вежливо отстранился и присел на корточки, изучая мрачную картину. – Принесите настольную лампу.

Она ушла и вернулась с лампой, поставила ее на пол, включила.

«Да, гримаса на лице жуткая, – отметил про себя Смирнов. – Характерная синева. Похоже на инфаркт».

Он наклонился к самому полу, вглядываясь в ворс ковра, потрогал что-то пальцем. Мельчайшие черные крупинки насторожили его. Это сажа?

– Вы что-то жгли? – поднял он голову и повернулся к Лице.

– Нет.

– А Стефания Кондратьевна?

– Не знаю...

– Милицию вызвали?

– Зачем? – удивилась Лица.

– Так положено. Ладно, – махнул рукой сыщик. – Бригада «Скорой», наверное, сообщила в ваше отделение о смерти Красновской, но нам надо успеть все обсудить до их приезда.

Пока сыщик тщательно осматривал труп, Лица, отводя глаза в сторону, рассказала, как было дело.

«Похоже на правду, – думал он. – Следов насильственной смерти не заметно. Женщину никто не душил, не наносил ей ударов... А вот сжатую в кулачок руку надо бы распрямить».

Наступало окоченение, и пальцы покойной не слушались. Сыщик увидел между ними кое-что, с трудом высвободил и поднес к свету. Это была свитая вдвое черная шелковая нитка, похожая на те, из которых делали бахрому или кисти для портьер.

– У вас есть черные портьеры? – спросил он у Лицы.

Та пожала плечами:

– Нет, кажется.

– Вы что-нибудь трогали? Я имею в виду... – Он склонился над телом и заметил несколько крупинок сажи на халате, в который была одета Красновская. – А это что? Может быть, Стефания Кондратьевна все-таки сжигала какие-нибудь бумаги? Позвольте, я пройдусь по квартире. Вас не смущает такая штука – обыск?

Лица была настолько подавлена, убита горем и напугана, что ее не смутили бы и десять обысков.

– Да... пожалуйста, – пробормотала она. – Поступайте, как считаете нужным.

Сыщик в первую очередь отправился в кухню, потом в ванную и на балкон. Но ни в мусорном ведре, ни в раковине, ни где-либо еще остатков сгоревшей бумаги или чего-то подобного не обнаружилось.

Перебирая вещи, переходя из комнаты в комнату, Смирнов ощущал смутное беспокойство, как будто он не понимал до конца, что здесь произошло. Полки в шкафах, комодах и тумбочках были заполнены наполовину, не нашлось никаких документов, кроме дарственной на квартиру, оформленной на Лику Ермолаеву, квитанций коммунальных платежей, паспорта и пенсионного удостоверения самой Красновской, да нескольких открыток из Германии, от ее сына. В кожаной папке лежали две пухлые общие тетради с записями по произведенному в квартире ремонту, чеками на мебель и бытовую технику, и финансовый отчет. Больше ничего! В ящичке секретера обнаружилась довольно солидная сумма денег в рублях и валюте, чековая книжка, выданная Лике банком «Восток-Элит», и банковская карточка.

– Чьи это деньги? – спросил Всеслав.

– Мои. Мы со Стефи брали отсюда на хозяйство.

– У вас есть семейные фотографии, письма, записные книжки?

– Откуда? – безучастно вымолвила хозяйка квартиры. – Стефины, вероятно, хранятся у нее дома. А у нас не было. Я фотографировалась дважды в жизни, – призналась она. – На паспорт.

Примерно такого ответа сыщик и ожидал. Странная квартира, странная смерть домработницы, странная хозяйка... Хотя почему? Люди не обязаны обзаводиться фотографиями и хранить свою переписку – некоторые принципиально не желают этого делать. Имеют право.

В кухне, на большом двухкамерном холодильнике магнитная бабочка удерживала список телефонных номеров, которыми пользовались Красновская и Ермолаева, – аварийные и коммунальные службы, поликлиника, соседка, парикмахерская.

– У Красновской были блокнот или другие тетради для записей? – спросил Всеслав.

– Насколько мне известно, нет.

– А у вас?

– У меня и подавно. Не люблю писать.

Смирнов пошел искать «то, не знаю, что» по второму кругу. В комнате Лики на туалетном столике сидела в ярком шелковом наряде китайская кукла Чань, наблюдала за его действиями узкими глазами, саркастически улыбалась. Давай, мол, покажи, на что ты способен! Ее головку украшало пышное блестящее сооружение из цветов, лент и булавок.

– Я справлюсь, – сказал ей сыщик.

Кукла молча смотрела на него.

Не обнаружив ничего существенного, Всеслав вернулся в гостиную, к Лике. Она прилегла на диван, поджав ноги и укутавшись пледом, ее трясло.

– О чем вы разговаривали со Стефи? – спросила она, сдерживая дрожь. – Она слишком разнервничалась. Ей нельзя было волноваться.

– Наша беседа не могла послужить поводом для сильного стресса, – сказал сыщик. – Как только Стефания Кондратьевна утомилась и пожаловалась на головную боль, я ушел.

– Что вы обсуждали?

– Думаете, она умерла из-за нашего разговора? Уверю вас, это не так! Я ушел около половины десятого. А когда вы вернулись домой?

Лица помолчала, наморщив лоб.

– Поздно... после одиннадцати.

– Ближе к двенадцати?

– Наверное, – она пожала плечами. – Мне еще в ресторане стало плохо, охватило ужасное волнение. Я как чувствовала!

– Значит, смерть наступила примерно между девятью тридцатью вечера и полночью, – рассуждал Смирнов.

– Вам не кажется, что... Стефи убил страх? – прошептала Лика. – У нее на лице застыло выражение ужаса. Как будто она увидела...

– Хотите сказать, *дракона*?

Молодая женщина кивнула.

– Вряд ли, – мягко возразил сыщик. Лика явно не в себе, поэтому и болтает всякую чушь. – Посудите сами, дверь ведь была закрыта? Я понимаю, что настоящие китайские *драконы* умеют проходить сквозь стены. Но мы не в Китае! Смерть от инфаркта причиняет болевой шок, который может вызвать гримасу, искажающую черты лица. Врачей же не удивило увиденное?

– Нет.

– Я так и думал.

– Как легко вы все объясняете! – возмутилась она. – Пойдите... я вспомнила! Дверь была закрыта, это верно... но только на один замок... захлопнута. Я долго возилась с ключами, не могла понять, почему замки не поддаются. Мне было нехорошо, в голове стоял туман, перед глазами все плыло... я почти ничего не соображала.

– Но в квартиру все же вошли?

– Да... как-то интуитивно тыкала ключами туда, сюда... Господин Ростовцев предлагал помочь, но я отказалась. Хотела, чтобы он поскорее ушел, и я осталась одна.

– Почему?

– Мне было неловко... из-за дурноты. Думала, меня вот-вот стошнит... Я и тело Стефи не сразу заметила в прихожей – была сосредоточена на своих болезненных ощущениях. А потом, когда увидела... обо всем забыла.

Лика смутилась и замолчала.

– Вы съели лишнего или выпили? – спросил Всеслав.

– Ни то, ни другое. Такое со мной бывает от сильного беспокойства. Предчувствие беды! Понимаете? Все как будто бы в порядке... а места себе не находишь.

Сыщик задумался.

– Покажите ключи и замки, – попросил он. – Как вы их открывали?

– Я туда... не пойду! – побледнела Лика. – Не могу...

– Хорошо, я сам. Какой замок был закрыт?

– Второй сверху. Он единственный из трех, который захлопывается.

Смирнов торопливо отправился к двери – надо было успеть уйти до приезда милиции. А Лике строго-настрого приказать, чтобы помалкивала. Не хватало еще неприятностей! Получается, он последний, кто видел Красновскую живой, – раз; на ручке двери и в квартире наверняка остались отпечатки его пальцев, – два. Оправдывайся потом, доказывай, что ты ни при чем! Волокита отнимет массу времени и сил. Лучше он их применит для пользы дела.

Следов взлома ни на двери, ни на замках не было, как и ожидалось. Лика паникует, это ясно. У страха глаза велики. Тем не менее, Всеслав тщательно все обследовал и, опустившись на корточки, осмотрел деревянный порожек... И тут какие-то крупинки сажи! Что за черт?

– Хм... интересно.

Он вспомнил, как пожилая дама долго щелкала замками, пока он ждал лифта. Выходит, после него в квартире побывал еще кто-то, причем Красновская сама ему открыла. Был уже вечер, вряд ли она впустила бы в квартиру незнакомого человека. Значит...

Он приоткрыл дверь и осмотрел пол лестничной площадки: снова черные крупинки. Буквально две-три. Если специально не вглядываться, не искать именно их, то не заметишь. Как бы взять эту «сажу» для экспертизы?

Смирнов достал блокнот, вырвал листик, свернул и, не дыша, наклонился над трупом – крупинка с полы халата перекечевала в кулек.

– Вот так, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Проверим.

Вернувшись в гостиную, он испытующе посмотрел на Лику. Ее глаза опухли от слез, щеки покрывала сероватая бледность. Лучше ничего не говорить ей о «саже»... Как-то сами собой пришли в голову детские сказки о Змее Горыныче и его огнедышащих головах. «Не впадай в маразм! – остановил он себя. – Это смешно». И обратился к Лике:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.